

И. А. Крывелев

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ СКАЗАНИЯ и ИХ СМЫСЛ

И. А. Крывелев

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ СКАЗАНИЯ И ИХ СМЫСЛ

Издательство
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
Москва — 1957

ЧЕНИЕ ЦЕРКВИ О СОДЕРЖАНИИ и ПРОИСХОЖДЕНИИ ЕВАНГЕЛИЙ

В ряду священных книг христианской религии евангелия занимают важнейшее место. Четыре евангелия — Матфея, Марка, Луки и Иоанна, вместе взятые, — составляют основной документ христианства. Все христианские религиозные организации ссылаются на евангелия, как на главный источник своего вероучения. Есть даже такие христианские вероисповедания (среди так называемых сектантских), которые отбрасывают все остальные религиозные книги и считают священными только евангелия.

Чтобы понять место евангелий среди религиозных книг христианства, надо сначала разобраться, что это за книги.

Все книги, которые считаются христианской церковью священными, составляют так называемую Библию. Она делится на две части: Ветхий завет и Новый завет; евангелия входят в Новый завет. Он и начинается с перечисленных евангелий, после которых идет книга под названием «Деяния святых апостолов», потом — ряд «посланий», приписываемых тоже апостолам, и, наконец, книга, именуемая «Апокалипсисом», или «Откровением Иоанна Богослова».

В этой брошюре мы будем заниматься только евангелиями и выясним их содержание, происхождение и то значение, которое им следует придавать.

Прежде всего, как освещает церковь эти вопросы?

Пытаясь хотя бы в общих чертах изложить здесь то, что пишут о содержании и смысле евангелий церковные писатели, мы испытываем большие затруднения. Дело в том, что о многом пишут они очень темно, и у внимательного читателя остаются серьезнейшие недоумения. Если поговорить об этих вопросах с защитниками религии, они не смогут рассеять эти неясности и в конце концов обязательно сошлются на «тайну великую», которую не дано понять человеческому разуму. В сочинениях христианских богословов, да и богословов всех других религий, эта ссылка — последнее прибежище всегда, когда оказывается, что и самые основы и многие подробности церковных учений противоречат разуму.

Однако здравомыслящий человек может рассматривать все вопросы жизни только в свете разума и науки. Одно из двух: мыслить или не мыслить. Сказать, что религиозные вопросы выше нашего разумения, — значит призвать к отказу от мышления: все равно не поймем, надо верить без рассуждений. Но почему надо верить именно в то, а не в это? Как убедиться, что правильно именно такое религиозное учение, а не другое? Может быть, вообще ни одна религия не знает истины?

Можно услышать от некоторых, что надо веровать так, как веровали наши отцы и деды. Но кто же поручится, что отцы и деды не ошибались? И почему не надо своей головой размышлять? Все надо уметь проверять собственными знаниями, своим жизненным опытом и опытом всего общества, ко всему надо подходить так, как требует разум, вооруженный общественной практикой.

Критическая мысль разумного человека должна быть последовательна, она не может и не должна убегать от требований логики. И если на какой-то стадии нашего мышления мы слышим предложение прекратить работу мысли, ибо здесь начинается область слепой веры, мы должны насторожиться: над нашим мышлением собираются учинить какое-то насилие, ему хотят навязать что-то неправильное, нелогичное, не выдерживающее критики разумом и практикой.

Все сказанное имеет ближайшее отношение к теме этой

О том, как толковать евангельское учение, ожесточенно спорили различные христианские направления. Каждое из них считало все остальные еретическими.
На рисунке — протестантская листовка XVI века под названием «Ложные и истинные апостолы Христа». Слева изображено католическое духовенство («ложные апостолы»), справа — протестанты («истинные»). Между ними идет ожесточенный спор. С небес бесстрастно взирает на эту сцену Христос в царском облачении.

книжки. Мы постараемся разобраться в евангелиях, сообразуясь с исторической наукой, с тем, чего достигли ученые, уже сотни лет изучающие Библию, священные книги других религий, историю культуры и литературы. А читателя мы призываем вникать в наши рассуждения и проверять их собственным разумом.

Что говорит церковь о смысле и происхождении евангелий?

По учению Ветхого завета, человечество находится под гнетом проклятия, наложенного на всех людей богом за первородный грех Адама и Евы. Библия рассказывает, что, живя в раю, наши прародители ослушались бога, съели запрещенное яблоко, что явилось началом дальнейшего греховного поведения людей. За это бог проклял не только их, но и все их будущее потомство. Он изгнал людей из рая, бессмертных сделал смертными, обрек женщин на то, чтобы в муках рожать детей, а мужчин — в поте лица добывать хлеб свой. Люди обречены на страдания, болезни, нищету, голод только потому, что Адам и Ева съели запретное яблоко. Из-за этого — и классовое разделение общества, и эксплуатация, и войны. Этим, однако, дело

не ограничивается: за тот же грех люди и после смерти должны терпеть наказание — вечные адские муки.

Бог покарал людей, ибо он справедлив и не может оставить грех без наказания. Но он и милостив, а потому решил прийти на помощь людям. Для их спасения от последствий первородного греха бог послал на землю своего собственного сына — Иисуса. Бог-отец рассчитывал, что бог-сын, вытерпев на земле тяжелые мучения и погибнув страшной смертью, искупит этим первородный грех и спасет человечество от дальнейшей кары.

В евангелиях рассказывается, что без малого две тысячи лет назад бог осуществил эту странную идею. К девушке Марии явился «дух святой» и оплодотворил ее; она родила младенца Иисуса. Таким именно способом в человеческом образе воплотился сын божий; он будто бы прожил на земле несколько десятков лет, выполнил все предназначенное ему отцом и спас человечество от тяжелых последствий первородного греха.

Христос был распят на кресте, но через три дня воскрес, еще через сорок дней вознесся на небо, где пребывает до сих пор, сидя по правую руку от бога-отца.

Так были искуплены грехи человечества, и прежде всего — первородный грех. Церковь учит, что после смерти и воскресения Иисуса люди очищены от лежавшего на них проклятия. Но почему же в их судьбе ничто не изменилось? В чем, собственно, заключалось спасение? Ответ церкви на этот вопрос далеко не ясен; можно понять, что спасение произошло, так сказать, в принципе, в идее, а на деле спасение людей произойдет, когда Иисус явится второй раз. Это «второе пришествие» не будет похоже на первое: не в образе смиренного простого человека придет Христос, а во всей славе своей, как грозный властитель и судья, как помазанник, то есть избранник божий (слово «Христос» и означает по-гречески «помазанник»). Наступить это событие, согласно евангелиям, должно было очень скоро: «Не прейдет род сей, как сие будет», то есть еще не умрут жившие при первом пришествии Христа, а уже наступит второе.

Как именно произойдет спасение человечества после второго пришествия, из евангелий понять трудно. Одни евангельские высказывания можно понять так, что будут изменены

В христианском представлении об авторах евангелий нашли свое выражение древнейшие тотемистические верования, связанные с обоготворением животных. Каждому из евангелистов приписывается «символ», вместе с которым он обычно и изображается. Символ евангелиста Матфея — ангел; символ всех остальных — животные: Марка — лев, Луки — бык, Иоанна — орел. Иногда евангелисты сами изображались в виде соответствующих животных.

На рисунках — миниатюры VIII века, изображающие евангелиста Луку с головой быка и евангелиста Иоанна с головой орла.

порядки на земле; в других местах как будто имеется в виду спасение в царстве небесном, иначе говоря, предполагается, что после смерти люди будут избавлены от адских мук. Но этому противоречат другие места Нового завета, где говорится, что после второго пришествия состоится «страшный суд», на котором всем людям — и живым и умершим — будет оконча-

тельно определена их судьба: праведников бог наградит вечным блаженством в раю, а грешников пошлет на вечные муки в ад. Значит, грешным спасения все-таки нет, несмотря на божье милосердие; спасение человечества будет не полным и не всеобщим.

Трудно понять и еще одну сторону этого церковного учения. Если все сводится только к спасению от адских мук, притом не всего человечества, а только праведников, то, значит, ничего не меняется. Ради чего же бог посылал на муки своего сына Христа? Есть, правда, и еще одно решение этого вопроса, однако не в евангелиях, а в позднейших писаниях христианских церковников: ко второму пришествию воскреснут все люди, когда бы то ни было жившие на земле; их души опять войдут в прежние тела, и страшный суд будет не над душами, а над людьми во плоти; поэтому райские удовольствия и адские муки будут переживаться людьми полностью, и телом и душой. Но и тут спасения всех людей не будет.

К этому вопросу мы еще вернемся в дальнейшем.

Посмотрим теперь, что христианская церковь говорит о происхождении евангелий.

Она учит, что евангелия — «богодухновенные» книги. Это значит, что авторы писали их не по своему разумению, а по внушению святого духа. Следовательно, все в евангелиях безупречно и истинно, в них нет и не может быть никаких ошибок, неточностей, противоречий.

Но вот что странно. Если написанное в евангелиях внушено святым духом, то не имеет никакого значения, видели ли сами их авторы деяния Христа: всё им сообщил дух. Между тем церковь все же старается доказать, что авторы евангелий сами были свидетелями описанных ими событий или, во всяком случае, могли получить сведения о них из первых рук. Богословы и церковные историки утверждают, что Матфей и Иоанн были учениками Христа и вместе с ним пережили все рассказанное в евангелиях. Евангелиста Марка православные богословы считают учеником апостола Петра и, «по всей вероятности», очевидцем последнего периода жизни Христа. Что же касается Луки, то о нем говорят, что он был сподвижником апостола Павла. Таким образом, богословы хотят уверить, что евангелия написаны людьми, хорошо знавшими события, о которых они писали. Но, повторяем, это важно только в том случае, если

Католическая церковь на протяжении столетий занимается продажей индульгенций (грамот об отпущении грехов), наживая на этом большие богатства.
На рисунке — индульгенция XVI в., основанная на церковном учении о том, что пролитая Христом кровь составила капитал, из которого церковь может «платить» за грехи людей. Так евангельская легенда стала основой торговли нравственностью и источником наживы для служителей религии.

рассматривать евангелия как человеческие произведения, и не имеет никакого значения, если видеть в них «богодухновенность»: евангелисты могли ничего не видеть и ничего не знать, а написать истину по внушению святого духа. Впрочем, и «богодухновенные» произведения и показания свидетелей-очевидцев должны, с точки зрения церковных идеологов, давать достоверные и одинаковые сведения.

Итак, Иисус Христос пришел на землю спасти род человеческий от последствий первородного греха Адама и Евы, —

такова основа всего евангельского учения. И с самого начала здесь на ум приходит множество вопросов, заставляющих серьезно задуматься. Бог, который заранее все знает (он — «всеведущий»), устроил так,что Адам и Ева не могли не согрешить. Создавая первых людей, бог сделал их такими легкомысленными и падкими на грех, что они сразу же поддались соблазну. Он подсадил к ним в рай змия-соблазнителя, который в конце концов и толкнул их на нарушение божьей воли. А сам по себе грех Адама и Евы настолько малозначителен, что наказание, которому они подверглись, конечно, чересчур тяжелое. И разве это не жестоко, что за проступок двух человек наказаны не только они, но и миллиарды других людей, — все, кто когда бы то ни было жил и будет жить на свете?

Невозможно понять и искупление первородного греха. Бог приносит в жертву за людей собственного сына. Кому же он приносит эту жертву? Во всей вселенной (на этом религия, конечно, настаивает) нет никого выше бога; перед кем же ему отвечать, кому приносить жертвы — самому себе? Стало быть, своего сына он тоже приносит в жертву самому себе? В довершение всего остаются совершенно непонятны взаимоотношения членов троицы: бога-отца, бога-сына и бога-духа святого.

Этот вопрос всегда особенно смущал богословов. Бог один, и он един — так учит церковь; но в то же время он «троичен в лицах», имеет три «лица»: отца, сына и святого духа. Три лица неотделимы одно от другого, так как троица «нераздельна и единосущна»; в то же время каждое лицо самостоятельно. Например, к деве Марии явился для зачатия Иисуса святой дух; при этом он, вероятно, отделился от остальных двух лиц, — следовательно, «нераздельная» троица разделилась!

Далее евангелия рассказывают, что Иисус несколько десятилетий жил на земле. Отделился ли он на это время от бога-отца или оставался «нераздельным и единосущным» с ним, и они вместе воплотились в человеческом образе? Если отделился, значит, троица «раздельна», и, значит, христиане почитают не одного бога, а трех; а если не отделился, значит, вместе с ним были человеком и бог-отец и святой дух, вместе с ним они подвергались избиению, суду и казни на кресте. Тогда получится, что бог-отец принес в жертву себе не только своего

сына, но и самого себя и святого духа. А за что? За то, что первые люди по воле бога съели яблоко и тем нанесли богу же страшное оскорбление...

Невозможно понять и удивительную обидчивость господа бога и то средство, которое он выбрал, чтобы смыть обиду.

Сами проповедники христианского вероучения заявляют, что троица — выше их разумения. Как трое могут быть одним, а один — троими, — это, действительно, крайне замысловато, больше того — просто нелепо. Хорошо известно мнение по этому поводу старинного богослова, «отца церкви» Тертуллиана: «Верую, ибо это абсурдно»; иначе говоря, приходится верить на слово, потому что понять троицу разумом невозможно.

Вообще все евангельское учение насквозь противоречиво и нелогично. Если бы авторы евангелий в самом деле писали, повинуясь внушению святого духа, это значило бы, что и сам святой дух замешан в сочинении книги, которая внушает очень мало доверия.

Однако разобраться в противоречиях евангельского учения все-таки можно, надо только подойти к евангелиям как к человеческим произведениям, написанным в определенное время, в определенных общественно-исторических условиях.

——— ■ ———

ЕВАНГЕЛИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ИХ ИССЛЕДОВАНИЕ

Каждый письменный документ — это в известной мере исторический источник, в котором отражено время, когда этот документ появился. То же относится и к евангелиям. Они безусловно помогают судить о том, как жили люди во времена раннего христианства, и потому должны считаться весьма важным историческим источником. Но это не значит, что все в евангелиях верно.

Во всяком историческом документе многое зависит от задач, которые ставил себе автор, от того, был ли он достаточно осведомлен о тех событиях, о которых писал, был ли он добросовестен в описании этих событий и в чем был заинтересован: в правдивом освещении событий или в искажении истины. Когда автор известен по другим его произведениям, ответить на эти вопросы не так трудно; но бывает, что другие его произведения неизвестны, — тогда приходится судить только по одному, что уже труднее. Однако во всех случаях историческому источнику устраивается как бы перекрестный допрос: его сопоставляют с другими известиями о том же времени и тех же явлениях. Иногда при помощи исследуемого источника можно исправить

прежние, иногда же приходится на основании тех источников исправлять этот или даже делать вывод, что он не заслуживает доверия. Критика источников — всегда дело сложное, тонкое и крайне важное для исторического исследования.

Попытаемся применить к евангелиям некоторые приемы такого анализа.

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЕВАНГЕЛИЯХ

Между всеми четырьмя евангелиями, да и в каждом из них существуют большие расхождения: каждое излагает события по-своему, в каждом есть такие рассказы, которых нет в других евангелиях. Сами богословы вынуждены признать этот разнобой. Сличив текст всех евангелий, они пришли к таким выводам:

в евангелии Матфея 52 процента всего рассказанного сходно с тем, что написано в других евангелиях, а 48 процентов в других евангелиях нет совсем;

в евангелии Марка 7 процентов сведений не сходится со сведениями других евангелий;

в евангелии Луки не сходится даже 59 процентов;

наконец, евангелие Иоанна совсем не считается с остальными: в нем только 8 процентов составляет то, что встречается в других евангелиях.

Между первыми тремя евангелиями и евангелием Иоанна огромная разница. Это давно заметили сами богословы и потому назвали первые три евангелия синоптическими, то есть совпадающими друг с другом.

Однако и между синоптическими евангелиями (Матфея, Марка и Луки) столько противоречий, что просто диву даешься!

Яркий пример евангельских противоречий — родословная Иисуса Христа, которая приводится в евангелиях Матфея и Луки.

В книгах Ветхого завета говорится, что спаситель (мессия) будет происходить из рода царя Давида. Евангелисты и старались доказать, что Иисус — тот самый мессия, о котором сказано в Ветхом завете; поэтому и родословную Иисуса они

ведут от Давида. Но Матфей начинает излагать родословную Иисуса с еще более далеких времен — от «праотца» Авраама, Лука же — от самого Адама. И вот что у них получается.

Отец Иисуса и у Луки и у Матфея указан один и тот же. Это плотник Иосиф, который якобы стариком женился на Марии, когда она уже была беременна «от святого духа». Но если фактически отцом Иисуса был не Иосиф, а святой дух, то почему же в родословных все-таки именно Иосиф числится в отцах? Если Иосиф — отец Иисуса, то рушится вся история с непорочным зачатием; если же он был непричастен к появлению Иисуса на свет, то вся евангельская родословная не имеет никакого значения, потому что ее надо вести прямо от бога; в этом случае незачем доказывать, что Иисус происходит от царя Давида.

Церковники сами увидели, что здесь получается какая-то бессмыслица, и попытались устранить ее. В евангелии Матфея конец родословной изложен так: «Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус» (Матф, гл. 1, стр. 16). Выходит, что Иосиф не отец Иисуса, он только отчим его, муж его матери. К чему же тогда вся родословная от Иосифа?

Самое любопытное все же то, что родословные Иисуса в евангелии Матфея и в евангелии Луки решительно противоречат друг другу. «Дедушкой» Иисуса у Матфея указан Иаков, а у Луки — Илия. Дальше идут совсем разные предки. По Матфею — это Матфан, Елеазар, Елиуд, Ахим, Садок, Азор и т. д.; по Луке — Матфат, Левий, Мелхия, Ианнай, Иосиф, Маттафия и т. д. Всего поколений от Авраама до Иисуса Матфей насчитывает сорок два, Лука же утверждает, что от Авраама прошло пятьдесят шесть поколений. Спрашивается, кому верить? Если Матфею, то неверно написано у Луки, если Лука говорит правду, то у Матфея неверно. Но ведь оба евангелия «богодухновенны»?

Германский ученый Артур Древс, верующий человек, так сказал о евангельских родословных Иисуса: «Подробно разбирать этот родословный список не приходится: евангелист высосал его из пальца». С родословной Иисуса путаница в евангелиях только начинается. Почти о каждом событии евангелия говорят противоречиво. Очень много пришлось бы написать, перечисляя все евангельские противоречия. Мы остановимся только на самых существенных.

Где провел Иисус свое детство? В евангелии Матфея рассказывается следующее: когда царь Ирод узнал о рождении Иисуса, он решил его убить, но ангел явился во сне Иосифу и сказал ему, чтобы он вместе с Марией и младенцем бежал в Египет; Иосиф «встал, взял младенца и матерь его ночью и пошел в Египет. И там был до смерти Ирода...» (Матф., гл. II, ст. 14—15). В евангелии Луки о бегстве в Египет нет ни слова. Наоборот, там говорится, что Иисус благополучно оставался в Иудее и вовсе не спасался в Египте!

Где провел свою жизнь Иисус? Три первые евангелия говорят, что в Галилее; а евангелие Иоанна утверждает, что в Иерусалиме.

По евангелиям, у Иисуса было двенадцать учеников — апостолов. Как их звали? Одиннадцать имен указаны во всех евангелиях одинаково, двенадцатое же у двух евангелистов разное: у Матфея двенадцатый апостол — «Леввей, прозванный Фаддеем» (Матф., гл. X, ст. 3), у Луки же ни Леввея, ни Фаддея нет, а есть Иуда Иаковлев (Лука, гл. VI, ст. 16).

Матфей и Марк подробно рассказывают, как Иисус был окрещен Иоанном Крестителем (Матф., гл. III, ст. 13—16; Марк, гл. I, ст. 9); у Луки же ясно говорится, что в то время Иоанн находился в тюрьме и Иисус крестился без него (Лука, гл. III, ст. 19—21).

В евангелиях подробно рассказывается, как торжественно въехал Иисус в Иерусалим, окончив проповедничество в провинции. Однако и этого евангелисты не сумели рассказать так, чтобы не противоречить друг другу. Матфей говорит, что «вход господень в Иерусалим» был за четыре дня до пасхи, Иоанн же — что за пять дней. По Иоанну, Иисус въехал туда на осле; Матфей умудрился посадить его сразу на двух ослов (Матф., гл. XXI, ст. 7).

Масса противоречий есть также в рассказах евангелий об аресте, казни и воскресении Иисуса.

Вместе с Христом, по обе стороны от него, были распяты два разбойника, сообщают евангелисты. Что они были за люди, какой религии, как относились к Христу?

Лука говорит, что один разбойник «злословил» Иисуса, а другой «напротив, унимал его» и даже стал молиться Иисусу (Лука, гл. XXIII, ст. 39—42); Матфей утверждает, что оба разбойника ругали и «поносили» Иисуса (Матф. гл. XXVII, ст. 44).

На третий день после смерти Христос будто бы ожил — «воскрес» и явился некоторым лицам. Кто эти люди?

По евангелию Иоанна, он явился прежде всего Марии Магдалине, а потом апостолам, которые были все в сборе, кроме Фомы (Иоанн, гл. XX, ст. 14—24). По Луке, дело обстояло совсем не так: сначала Иисус явился двум неизвестным (одного из них звали Клеопа), а затем апостолам, которых собралось одиннадцать (Лука, гл. XXIV, ст. 13—36). Одиннадцать — значит, вместе с Фомой, потому что двенадцатого — Иуды — уже не было: как говорят евангелия, он удавился. Марк опять-таки по-своему рассказывает эту легенду: Иисус явился вначале Марии Магдалине, потом двум апостолам и уже после — всем одиннадцати (Марк, гл. XVI, ст. 9—14). И, наконец, Матфей сообщает, что Иисус явился сначала не одной Марии Магдалине, а еще и «другой Марии» (Матф., гл. XXVIII, ст. 1—9). Как разобраться в этом клубке противоречий?

Богословы и церковные историки считают наиболее обстоятельным и с фактической стороны неуязвимым евангелие Луки. Посмотрим, насколько последовательно в нем излагаются некоторые события.

С XXII главы начинается описание того, как был арестован и казнен Христос. Прежде всего евангелие подчеркивает, что весь народ был на стороне Иисуса, только горстка людей хотела его гибели. «И искали первосвященники и книжники, как бы погубить его, потому что боялись народа» (Лука, гл. XXII, ст. 2). Немного раньше евангелие утверждает, что «весь народ приходил» слушать Иисуса в храме (Лука, гл. XXI, ст. 38). Иуда «искал удобного времени, чтобы предать его... не при народе» (Лука, гл. XXII, ст. 6).

Однако дальше Лука забывает о том, что написал. Вот как он изображает арест Иисуса:

«...Появился народ, а впереди его шел один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать его. Ибо он такой им дал знак: кого я поцелую, тот и есть» (Лука, гл. XXII, ст. 47). Вся эта толпа схватила Иисуса и потащила к первосвященникам. Стало быть, не то что «при народе» схватили Иисуса, но сам народ это сделал!

После допроса у первосвященников Иисуса повели к римскому наместнику Понтию Пилату. Тот допросил его и нашел

невиновным, «сказал первосвященникам и народу: я не нахожу никакой вины в этом человеке. Но они настаивали, говоря, что он возмущает народ» (Лука, гл. XXIII, ст. 4—5). Когда Пилат хотел отпустить Иисуса, «весь народ стал кричать: смерть ему!» (Лука, гл. XXIII, ст. 18). Несколько раз Пилат якобы пытался переломить это настроение толпы, но народ продолжал все так же кричать: «Распни его!».

Как же это так? Только накануне весь народ приходил в храм послушать Христа, первосвященники и книжники с Иудой искали случая втихомолку, «не при народе», схватить его. А тут вдруг оказывается, что «весь народ» против Христа и требует его казни!

Странно ведет себя, по рассказам евангелия, и сам Иисус. Вот, например, что говорит он своим ученикам накануне ареста: «Теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч» (Лука, гл. XXII, ст. 36). А апостолы, оказывается, даже заранее знали, что понадобится оружие. «Они сказали: Господи! Вот здесь два меча. Он сказал им: довольно» (там же, ст. 38). Как будто ясно: Иисус решил добровольно не сдаваться, а оказать сопротивление. Когда же дошло до ареста Иисуса, разыгралась такая сцена: «Бывшие же с ним, видя, к чему идет дело, сказали ему: «Господи! Не ударить ли нам мечом? И один из них ударил раба первосвященникова и отсек ему правое ухо. Тогда Иисус сказал: оставьте, довольно. И коснувшись уха его, исцелил его» (там же, ст. 49—51).

Сам Христос велел купить мечи. Для чего? Не для того же, чтобы хлеб ими резать! А когда у него спрашивают: «Не ударить ли нам мечом?» он, подождав, когда один раз ударят, говорит: «Не надо». Почему не надо, если сам же велел купить оружие?

Любопытны в этой истории еще два обстоятельства.

Иисус мгновенно, одним прикосновением, исцеляет раба с отрубленным ухом. Огромная толпа видит это и нисколько не удивляется такому чуду. Иисуса хватают и тащат в дом первосвященника. А того, кто отсек рабу ухо, никто и не думает арестовывать, как будто он и не оказал вооруженного сопротивления...

В евангелии Матфея дело обстоит не лучше. Посмотрим, например, как он рассказывает о предательстве Иуды.

2 Зак. 314

В чем это предательство могло состоять? Иуда должен был при народе поцеловать Иисуса и тем выдать его. Выходит, что Иисуса никто в Иерусалиме не знал, и потребовалось заплатить Иуде очень крупную сумму — тридцать сребреников, чтобы он указал Иисуса. Опять евангелист забыл, о чем писал раньше! Иисус целых три года ходил по маленькой Палестине и всюду открыто проповедовал, — так говорится в евангелии. Толпы народа слушали его проповеди и ходили за ним. Во всех евангелиях описывается, как Иисус не то на одном, не то на двух ослах въехал в Иерусалим и как парадно происходил этот въезд: масса народа толпилась на улицах, приветствовала Иисуса криками «осанна», устилала дорогу своими одеждами и древесными ветвями... (Матф., гл. XXI, ст. 8—11). А после этого Иисус ежедневно публично произносил в храме проповеди. Значит, каждый ребенок в Иерусалиме должен был знать Иисуса в лицо! А тут вдруг оказывается, что решительно никто его не знает и не узнал бы, не будь Иуды.

Авторы евангелий противоречат друг другу и тогда, когда сообщают слова и мысли, будто бы высказанные Христом. Приведем несколько примеров.

В евангелии Матфея рассказывается, что апостол Петр обратился однажды к Иисусу с вопросом: «Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? До семи ли раз?». Иисус ему будто бы ответил, что не до семи, а до семижды семи раз надо прощать обиды (Матф., гл. XVIII, ст. 21—22). Во многих других местах евангелий тоже говорится о милосердии, любви, прощении обид. Но вот перед нами такой текст: «Пошлет сын человеческий (т. е. Иисус) ангелов своих, и соберут из царства его все соблазны и делающих беззаконие и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов» (Матф., гл. XIII, ст. 41—42). Удивительное милосердие! А вот отрывок из евангелия Луки. Иисус, рассказывается там, рассылает своих учеников проповедовать по разным городам и наставляет, как вести себя. Если, говорит он, «придете в какой город, и не примут вас, то, вышедши на улицу, скажите: «и прах, прилипший к нам от вашего города, отрясаем вам...». Сказываю вам, что Содому в день оный будет отраднее, нежели городу тому» (Лука, гл. X, ст. 10—12). Надо отметить, что в Ветхом завете рассказывается, как все жители города Содома, кроме семьи Лота, были в наказание за грехи

заживо сожжены. А жители города, не приютившие учеников Иисуса, должны были понести еще более жестокое наказание, чем сожжение заживо! Это не помешало Луке написать, что Иисус будто бы призывал: «Будьте милосерды, как и отец ваш милосерд» (Лука́, гл. VI, ст. 36).

Чтобы перечислить все евангельские противоречия, пришлось бы рассматривать каждую страницу в евангелиях, так как нет в них и страницы без противоречий.

Уже из всего этого видно, что евангелия — в высшей степени ненадежный исторический источник. Но будем продолжать наш разбор.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В ЕВАНГЕЛИЯХ

Если евангелист пытается установить, когда происходило то или иное событие, он всегда запутывается. Нет в евангелиях ни одного указания на год, число или день, которое не противоречило бы исторической науке.

Когда родился Христос? Всякий верующий скажет: «Ну, конечно, тысяча девятьсот пятьдесят семь лет назад! Недаром же и летоисчисление идет от рождества христова».

Но дело обстоит далеко не так просто.

Евангелист Матфей говорит, что Иисус родился «во дни царя Ирода» (Матф., гл. II, ст. 1). Дальше рассказывается, как Ирод хотел убить Иисуса и как не удалось ему это сделать. А между тем историческая наука хорошо знает, что царь Ирод умер тысяча девятьсот шестьдесят один год назад, то есть за четыре года до того времени, когда якобы родился Христос. Значит, не могло быть того, чтобы Ирод жил в одно время с Христом!

А где родился Христос? В Вифлееме, отвечают евангелия. Но ведь его родители Иосиф и Мария родом из Назарета. Евангелие Луки сообщает, как они оказались в Вифлееме перед самым рождением Иисуса: «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сирией. И пошли все записываться каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из рода и дома Давидова, запи-

саться с Марией, обрученною ему женой, которая была беременна» (Лука, гл. II, ст. 1—5). Как будто все очень точно: при каком правителе было дело, которая по счету перепись, из какого города в какой пошел Иосиф с беременной Марией... На самом же деле в этих нескольких строчках из евангелия — целая серия исторических ошибок. Перечислим их по порядку.

1. В то время, к которому церковь относит рождение Христа («во дни Ирода царя»), Квириний Сирией не управлял; последними правителями Сирии при жизни Ирода были К. Септий Сатурнин и П. Квинтилий Вар. Это история знает точно.

2. Переписей по распоряжению наместника Сирии в это время в Иудее не было. Первая перепись в Иудее была в 7 году, и то — перепись имущества, а не населения.

3. Никогда не бывало так, чтобы люди для переписи должны были приезжать в то место, откуда происходил их род. Переписи всегда производились по месту жительства. Для римского правительства это было особенно важно. Ведь главной целью переписей было установление ставок налога на имущество; выяснить же, какое имущество у человека, можно было только там, где он живет, а не там, куда он пришел для переписи, — не может же он принести с собой свое жилище, мебель, скот и землю.

4. Известно, что города Назарета в I веке нашей эры еще не существовало, он был основан позднее. Следовательно, ни жить там, ни прибыть оттуда для переписи родители Иисуса не могли.

Возьмем рассказ о том, как Христос изгнал торговцев из иерусалимского храма. Этот рассказ есть и у Матфея (гл. XXI, ст. 12), и у Марка (гл. XI, ст. 15—17), и у Луки (гл. XIX, ст. 45—48). Вот что сказано у Матфея: «И вошел Иисус в храм божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей».

Все это совершенно неправдоподобно.

В храме никогда никакой торговли голубями или другими животными не было. Животными для жертвоприношений, в том числе и голубями, торговали не в храме и даже не во дворе храма, а на прилегавших к храму улицах и в переулках. Из храма, таким образом, изгнать торговцев Иисус не мог, ибо их там и не было. И если бы он захотел учинить расправу над тор-

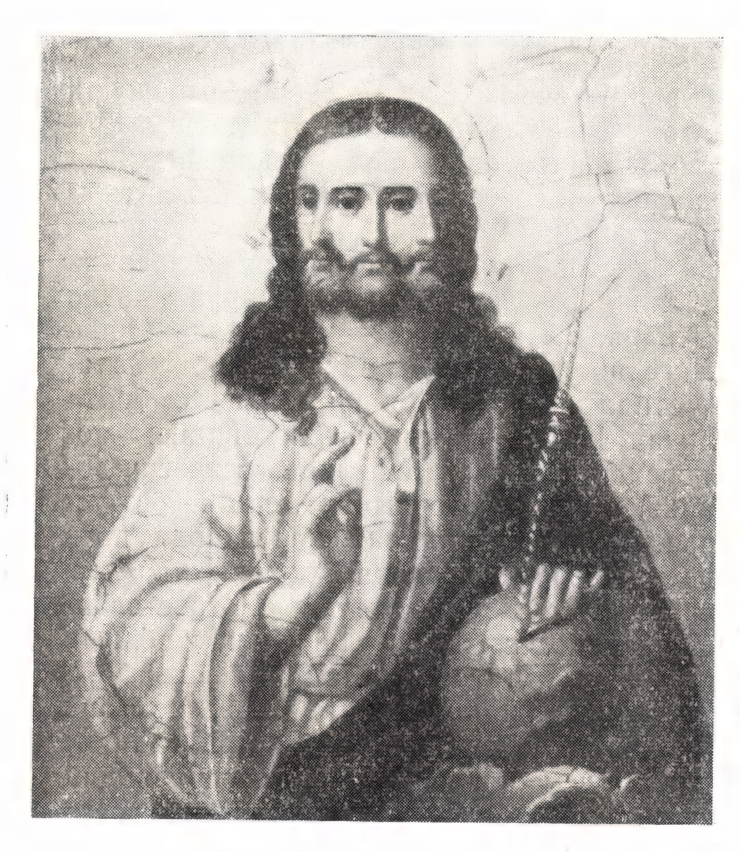
говцами на улицах, немедленно вмешались бы заинтересованные люди — покупатели и продавцы. Можно ли представить себе, чтобы один человек, явившись на рынок, разогнал продавцов и покупателей, опрокинул все столы и прилавки и чтобы при этом никто не сказал ему ни малейшего сопротивления? Это тем более невозможно, что торговля была «священная» и возмущение пострадавших подогревалось бы их оскорбленными религиозными чувствами.

Незнакомство евангелистов с нравами и обычаями древних иудеев ярко сказывается в рассказе евангелиста Марка о казни Иоанна Крестителя (Марк, гл. VI, ст. 17—28). Царь Ирод, рассказывается в евангелии (имеется в виду не Ирод Великий, а Ирод Антипа) отнял жену, Иродиаду, у своего брата Филиппа; Иоанн обличал Ирода в этом неблаговидном поступке и за это был посажен в тюрьму. Иродиада всячески добивалась гибели Иоанна, но до некоторого времени — без успеха. Однажды на празднике в день рождения Ирода дочь Иродиады плясала перед Иродом и гостями и так угодила ему, что он обещал исполнить все, что ей захочется. Посоветовавшись с матерью, она попросила, чтобы ей была подана на блюде голова Иоанна Крестителя. Так и было сделано.

К этой занятной истории надо только добавить, что она искажает истину и в целом и в подробностях. Ирод Антипа был не царем, а только правителем одной из четырех провинций Палестины. Иродиаду он сманил не от Филиппа, а от своего брата Антипы Младшего. Дочь Иродиады Саломея, которую евангелие упорно именует девицей, на самом деле в это время была уже не только замужней женщиной, но и вдовой. Самое же главное в том, что пляска царевны на пиру в любой стране древнего Востока, в том числе и в Иудее, была просто невозможна. Этим занимались только специальные танцовщицы-проститутки, преимущественно из рабынь. Выступление царевны с пляской на пиру было бы неслыханным позором, и ясно, что евангельская история о Саломее и Иоанне не заслуживает ни малейшего доверия.

Больше всего исторических ошибок в описании страданий и смерти Христа.

В ночь под пасху (так рассказывается в евангелии Иоанна, а у других евангелистов — в пасхальную ночь) Иисуса схватили и привели в дом первосвященника; тут же над ним был

Элементы мифа о Христе, перешедшие в христианство из «языческих» религий древности. Одним из таких элементов является представление о троичности божества.

Христианское представление о троичности божества. Икона трехликого «Христа-Вседержителя».

учинен суд. Между тем известно, что суд был тогда в Иудее делом римских чиновников и, значит, иудейского суда над Иисусом не могло быть. А если бы он даже был, то, во всяком случае, ни накануне праздников, ни в праздники не мог происходить,— это запрещалось религией. Судить ночью также не полагалось. Наконец в те времена, когда свой суд в Иудее (синедрион) еще существовал, он мог заседать только при храме, а никак не в частном доме.

В суде над Иисусом участвовало будто бы много первосвященников; несколько раз в евангелиях повторяется: «все первосвященники...» (Матф., гл. XXVI, гл. XXVII; Марк, гл. XV; Лука, гл. XXII). В евангелии Иоанна о первосвященниках тоже говорится во множественном числе (см. гл. XVIII, ст. 3), но,

кроме того, названы по именам двое: Анна и его зять Каиафа. А между тем по религиозным законам, записанным в Ветхом завете, в одно время мог быть только один первосвященник.

Во всех евангелиях упоминаются римские солдаты, будто бы принимавшие участие в расправе с Христом. Но в то время, о котором идет речь, римских солдат в Иерусалиме не было. Только через десятилетия после подавления иудейского восстания, а именно в 60-х годах нашей эры, в Иерусалиме был оставлен гарнизон римских солдат. К тому же евангелия изо-

Индуистское представление о троичности божества. Лубочная картина, изображающая трехликого бога Шиву.

бражают римских солдат весьма странно: если верить евангелиям, эти солдаты хорошо разбирались в иудейском «священном писании». После распятия Иисуса, рассказывается у Иоанна, солдаты принялись делить между собой его одежду. Когда дело дошло до хитона, они «сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий, чей будет, да сбудется реченное в писании: «разделили ризы мои между собой и об одежде моей бросали жребий» (Иоанн, гл. XIX, ст. 24). Невозможно поверить, что римские солдаты знали Библию и заботились о том, чтобы библейские «пророчества» сбылись.

После суда Иисуса будто бы повели к римскому прокуратору Понтию Пилату и стали требовать, чтобы тот казнил его. Пилат заинтересовался сутью дела и спросил, в чем Иисус провинился. Узнав, что он называет себя царем иудейским, Пилат не нашел в этом никакой вины и захотел отпустить Иисуса.

Но этому решительно воспротивилась толпа, требовавшая казни. Пилат пытался воспользоваться обычаем, по которому в честь праздника пасхи полагалось отпустить на волю одного заключенного. Собравшиеся потребовали, чтобы освободили настоящего преступника Варавву, а не Иисуса. Тогда Пилат «умыл руки» в знак того, что он не берет на себя ответственности за гибель невинного человека, и отдал Иисуса на казнь.

Все это неправдоподобно.

Пилат действительно был прокуратором Иудеи, но жил не в Иерусалиме, а далеко от этого города — в Цезарее, на берегу моря. Человек, именующий себя царем иудейским, должен был бы показаться римскому наместнику очень серьезным преступником — ведь он мог бы взбунтовать народ против господства Рима над Иудеей; поэтому трудно допустить, что Пилат мог признать его невиновным. Далее, никакого обычая отпускать на волю преступника в честь пасхи никогда не существовало. Наконец, описание полностью противоречит всему тому, что истории известно о Понтии Пилате. Это был человек жестокий, грубый и бездушный, а вовсе не великодушный, мягкий и нерешительный, боящийся осудить невинного, каким он изображен в евангелиях.

И, наконец, распятие на кресте изображено так, что пол-

Элементы мифа о Христе, перешедшие в христианство из «языческих» религий древности.
На рисунке — древнеегипетское изображение богини Изиды, прячущейся вместе с младенцем Гором от злого бога Сета. По евангелиям, богородица тоже должна была спасать родившегося бога Иисуса от злого царя Ирода.

ностью противоречит историческим данным. Римский обычай распятия не соответствует описанному в евангелиях. Распинали не на кресте, а на столбе с перекладиной, иногда же и без перекладины. Столб врывали в землю, человека привязывали к его верхушке и оставляли; через некоторое время он умирал от голода и жажды. Гвоздями осужденного к столбу не прибивали: он обязательно сорвался бы — гвозди под тяжестью тела вылезли бы из древесины либо прорвали кисти рук.

Надо также отметить, что в евангелиях очень мало прямых указаний на время, когда происходили события. Немецкий богослов Вейс, несмотря на всю его заинтересованность в том, чтобы доказать историческую ценность евангелий, вынужден был признаться по поводу евангелия Марка: «В хронологическом отношении все у этого евангелиста неблагополучно. Нигде у него нет таких данных, которые могли бы послужить основой для правильного установления времени». Приведя эти слова, упомянутый здесь раньше немецкий буржуазный историк Древс написал: «Если бы хоть у Матфея и Луки дело в этом отношении обстояло лучше! Скорее всего этого можно было ждать от Луки, который во введении к своему евангелию опре-

деленно выставляет себя «историографом». Однако это не так: у него тоже преобладает «в те дни», «в то время», «в одну из суббот», «в тот же самый час», а где он приводит, казалось бы, определенные указания на время, там они оказываются большей частью исторически неверными».

Какие же выводы можно сделать из того, что евангелия так резко противоречат историческим фактам?

Основной вывод заключается в том, что люди, писавшие евангелия, основывались не на собственных впечатлениях и переживаниях, а на рассказах, услышанных от других людей. О том, что происходило в их время и у них на глазах, они рассказали бы несравненно последовательнее и правдоподобнее. Если бы они записали сообщения очевидцев, тоже было бы больше исторического правдоподобия. По всей видимости, авторы евангелий жили гораздо позже того времени, к которому они относят жизнь Христа.

Есть, кроме того, основания полагать, что жили они совсем не в тех местах, где будто бы разыгрались евангельские события, не в Палестине, иначе они лучше изображали бы природу и жизнь Палестины.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В ЕВАНГЕЛИЯХ

Богословы утверждают, что евангелисты происходили из Палестины. Если это было бы так, они должны были бы хорошо знать Палестину, ее природу, климат, обычаи и нравы населения. Марк, например, если верить церковникам, сопровождал апостола Петра во всех странствиях по Палестине: уж он-то, конечно, должен был хорошо изучить свою страну. А оказывается, что и Марк и авторы других евангелий говорят о Палестине так, как будто никогда в ней не были, и делают ошибку за ошибкой.

Генисаретское озеро евангелисты несколько раз называют «морем Галилейским». Между тем это небольшое пресноводное озеро и с середины его можно видеть берега. Если бы евангелист когда-нибудь видел это озеро, он уж, конечно, не назвал бы его морем.

Рассказывая, что Христос прошел из города Тира к Гени-

саретскому озеру, евангелист заставляет его идти через Десятиградье (Марк, гл. VII, ст. 31). А это примерно то же самое, как если бы вы, читатель, желая попасть из Москвы в Ленинград, поехали бы через Украину... Написал же так автор евангелия потому, что не знал Палестины и никогда в этой стране, очевидно, не был.

В евангелиях почти не упоминаются ни животные, ни растения, которые водятся или тогда водились в Палестине. Часто говорится, например, о волках, которые в этой стране почти не водятся. В то время, о котором говорится в евангелиях, в Палестине водились львы, дикие кошки, шакалы, пантеры, но они-то в евангелиях и не упоминаются. Из растений древней Палестины евангелия говорят о горчице. Но как говорят! Лука пишет: «Царствие небесное подобно зерну горчичному, которое, взяв, человек посадил в саду своем; и выросло, и стало большим деревом, и птицы небесные укрывались в ветвях его» (Лука, гл. XIII, ст. 19). Это говорится не как о чуде, а как о нормальном явлении, будто так и должно быть, что из горчичного зерна вырастает дерево. Между тем известно, что горчица — растение травянистое и в дерево вырасти не может. А растения, распространенные в Палестине (финиковая пальма, кедр, миндальное дерево, оливковое дерево и др.), ни Лукой, ни другими евангелистами совсем не упоминаются.

Когда-то один французский писатель, ничего не знавший о России, решил написать о ней книгу. Не выходя из кабинета, он сочинил длинную историю о своем путешествии по России, причем подробно описывал, как живут русские люди. Он писал, в частности, что русские любят сидеть под тенью развесистой клюквы и пить чай с кусками самовара. У евангелиста Луки получалось примерно так же. Ясно, что автор евангелия Луки никогда Палестину не видал, как не видал Россию французский писатель, о котором шла речь.

Остальные евангелисты знают Палестину не лучше. Марк, который якобы исходил ее с Петром вдоль и поперек, сочинил такую легенду: Иисус принялся изгонять бесов из человека, в которого они забрались, а те взмолились, чтобы Иисус дал им все же какое-нибудь пристанище; Иисус приказал им войти в стадо свиней, которое тут же паслось. «И нечистые духи, вышедши, вошли в свиней; и устремилось стадо с крутизны в море, а их было около двух тысяч» (Марк, гл. V, ст. 13).

Где все это происходило? Евангелист пишет о «стране Гадаринской», которая находится на берегу моря, очевидно Генисаретского озера. Судя по всему, дело происходит в Палестине.

Откуда же там могли взяться свиные стада? Иудейская религия, как известно, запрещает разводить свиней и есть свинину. У других семитических народов, живших поблизости от Иудеи и Израиля, тоже не было в чести свиноводство. Свиных стад, да еще таких огромных (две тысячи голов!) в Палестине быть не могло. Автор евангелия от Марка показал, что он не имеет представления о нравах той страны, о которой пишет.

Элементы мифа о Христе, заимствованные в дохристианских религиях. *На рисунке — одна из дохристианских богородиц.*

Выходит, таким образом, что авторы евангелий не знали ни природы страны, ни нравов и обычаев населения Палестины. Как же это примирить с тем, что, как говорит о них церковь, они родились и жили в Палестине? Совершенно очевидно, что это неверно.

Люди, которым приписывается авторство евангелий, никогда не жили в Палестине.

А если прибавить еще внутренние противоречия в евангелиях и несоответствие евангелий историческим данным, то напрашивается вывод, что к евангелиям как к историческим источникам надо подходить очень осторожно. О событиях, приуроченных к I веку нашей эры, они не сообщают и не могут сообщить ничего достоверного, так как авторы евангелий не были ни очевидцами, ни даже современниками этих собы-

тий. Евангельские рассказы сами по себе — просто мифы, легенды, в которых зерна исторической истины приходится выискивать среди массы позднейших вымыслов.

Неудивительно, что сами церковники в некоторых случаях говорят о евангелиях довольно непочтительно. Знаменитый «отец церкви» Августин в своем сочинении «Против манихеев» писал: «Я бы не поверил Евангелию, если бы меня не обязывал к этому авторитет католической церкви». Русский богослов, профессор Московской духовной академии М. Тареев, в своей книге «Философия евангельской истории», опубликованной в 1903 году, писал так: «Евангелия не представляют собой ни истории, ни материала для нее, они не могут быть рассматриваемы даже в смысле летописных повествований».

Элементы мифа о Христе, заимствованные в дохристианских религиях.
На рисунке — одна из дохристианских богородиц. Внизу — изображение ягненка («агнца»), также впоследствии фигурировавшего в мифе о Христе.

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ФАНТАСТИЧЕСКОЕ

Нельзя, таким образом, считать евангелия чем-то вроде летописей, которые пишутся очевидцами или современниками. Вопреки тому, что говорит о них церковь, они написаны не теми, кому приписываются, а неизвестными другими людьми, жившими гораздо позднее, притом не в Палестине. Не являются евангелия и историческими сочинениями, основанными на первоисточниках: архивных документах, материалах раскопок, летописях и хрониках.

Основу евангельского текста составляют легенды о чудесах, связанных с рождением, жизнью и деятельностью сверхъестественного существа — Иисуса Христа. Сверхъестественное здесь смешано с естественным. На этом основании многие богословы и другие люди, изучавшие евангелия, например Лев Толстой, пытались отделить в них естественное от сверхъестественного, рассуждая примерно так: если отбросить рассказы о чудесах, в евангелиях останутся правдоподобные сообщения о событиях, которые могли происходить в то время; надо так и сделать, тогда евангелиями можно будет пользоваться как историческим источником. Известный датский литературный критик Георг Брандес, занимавшийся вопросами происхождения христианской религии, в книге «Первоначальное христианство» очень остроумно показал, в чем ошибка таких людей. Конечно, говорил он, в любой сказке перемешано естественное и сверхъестественное. Возьмите сказку о Красной Шапочке. Могло случиться, что волк съел девочку с таким именем или прозвищем. То, что потом пришел охотник и убил волка, тоже правдоподобно. Но что Красная Шапочка вылезла из волчьего брюха невредимой — невозможно. Следует ли из этого, что всю историю с Красной Шапочкой надо считать истинной, за исключением того невозможного, что в ней содержится? Нет, конечно. Всякий понимает, что история о том, как Красная Шапочка была съедена волком, нарочно придумана как основа для истории о чудесном появлении Шапочки из волчьего чрева. Правдоподобное здесь необходимо для скрепления неправдоподобного. Чудесное в сказке о Красной Шапочке «вызывает сомнение как в существовании Красной Шапочки, так и в нападении волка».

Нечто подобное Брандес нашел и в евангелиях.

Он пишет: «Каждый евангельский рассказ о чудесах состоит из двух частей, причем первая часть говорит о чем-то весьма обыденном и бывалом. Если в нем говорится, например, что кто-нибудь безнадежно болен, то ведь это — рассказ о чем-то весьма печальном, но весьма банальном. В евангелии, однако, о подобном банальном событии рассказывается с той целью, чтобы безнадежно больной получил внезапное исцеление от божественного вмешательства. Когда в евангелии кто-нибудь умирает, то это ведь событие, которое каждодневно происходит в любом городе, в любой стране. Дело в том, однако, что

дальше описывается воскресение покойника после магического вмешательства Иисуса. Если в этих рассказах отбросить вторую половину, то есть чудесный элемент, то от них ничего не остается, от них не останется ничего, имеющего какой-либо психологический интерес, не говоря уже о религиозном. Кроме того, сплошь да рядом одновременно с отпадением чудесной части рассказов отпадает и первая, правдоподобная часть».

Брандес говорит о психологическом интересе к евангельским рассказам, который пропадает, если исключить чудесное. Но остается ли в евангелиях какой-нибудь исторический смысл, если отсечь все рассказы о чудесах?

Сами события, о которых рассказывается в евангелиях, теряют под собой почву. Нет никаких оснований думать, что Иисус Христос действительно рождался на свет, — ведь евангельские известия о его рождении и жизни имеют только подсобное значение для совершенно неправдоподобных легенд о чудесах и, стало быть, созданы религиозной фантазией именно в качестве основания для этих легенд.

Однако не имеет никакого смысла отбрасывать вообще все, что рассказывается в евангелиях о людях и событиях. Здесь нужно разобраться конкретно в каждом отдельном случае.

В евангелиях говорится о Понтии Пилате, двух Иродах, Квиринии, Тиберии, Анне, Каиафе и других лицах, о которых известно из многих исторических сообщений, заслуживающих доверия. Главные же действующие лица евангелий — Иисус Христос и его апостолы, богородица Мария, Лазарь, которого Иисус якобы вокресил из мертвых, Симеон-«богоприимец», плотник Иосиф — отец Иисуса, Мария Магдалина и другие лица, о которых ни в каких исторических источниках того времени нет ничего. Должны ли мы считать существовавшими всех этих людей и должны ли считать происходившими все события, о которых в связи с ними рассказывается?

Если бы евангелия были безупречными историческими источниками, то, может быть, достаточно было бы их свидетельства о том или ином человеке или событии, чтобы мы могли это свидетельство принять за доказательство того, что человек жил и событие происходило. Но мы видели, что евангелия как исторический источник имеют очень серьезные недостатки. Это сильно подрывает доверие к ним. Однако не будем, как говорится, с порога отвергать все, что там сказано. Сопо-

ставим сказанное в евангелиях с другими историческими источниками и посмотрим, что выдерживает такое сравнение и что рушится. Такой «перекрестный допрос» источников, как уже было сказано, — общепринятый прием в исторической науке.

Прежде всего подлежит проверке вопрос о том, жил ли Иисус Христос или эта фигура является порождением религиозной фантазии?

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ ИИСУС ХРИСТОС КАК ЧЕЛОВЕК?

Мы не занимаемся здесь вопросом о том, существует ли бог, возможны ли чудесное зачатие, воскресение из мертвых и т. д. Читатель, будь он верующий или неверующий, понимает, конечно, что мы не верим в бога, в чудеса, в сверхъестественные явления. Такие вопросы мы оставляем здесь в стороне и сосредоточиваем внимание на других вопросах — исторических.

С самого начала предупредим читателя, что вопрос о том, жил ли Христос, не имеет решающего значения. Человек по имени Иисус и по прозванию Христос мог существовать в древней Палестине, мог произносить те речи, которые приводятся в евангелиях, мог вызвать народное волнение, мог быть потом арестован и казнен. В этом ничего невероятного нет. В разные времена жили разные люди, мог когда-нибудь жить и Иисус Христос. Другое дело, что говорят об этом исторические источники, подтверждают ли они это.

Нет ни одного надежного источника, который свидетельствовал бы о существовании Христа. Мы уже знаем, что евангелия не могут считаться в этом отношении надежными: они написаны не очевидцами и даже не современниками. Наиболее древняя из христианских книг — «Апокалипсис», или «Откровение Иоанна Богослова». Она написана в 68—69 годах нашей эры, и в ней нет ни звука о земной жизни Иисуса Христа. В посланиях апостольских о земной жизни Иисуса тоже ничего нет, а если бы и было, то не имело бы решающего значения, так как послания написаны во II веке, а жизнь Иисуса церковь относит к первой трети I века — значит, и в посланиях мы не можем услышать голос современников или очевидцев еван-

гельских событий. Что же касается позднейшей христианской церковной литературы, то о ней как об источнике по интересующему нас вопросу тем более говорить не приходится.

События, о которых рассказывают евангелия, относятся, по учению церкви, к первой трети I века нашей эры. В это время уже существовала богатая научная и художественная литература, в том числе историческая. В первом веке писали авторы: римляне — философ Сенека, историки Тацит, Светоний, поэты Ювенал, Марциал, Персий, Лукан; греки — историк Плутарх; евреи — философ Филон Александрийский, историки Юст из Тивериады и Иосиф Флавий. Есть ли в произведений этих авторов что-нибудь об Иисусе?

Защитники историчности Христа придают большое значение тому, что в книге Иосифа Флавия «Иудейские древности», написанной около 90 года н. э., имеется отрывок, в котором говорится о Христе. Там сказано так: «В это время выступил Иисус, человек глубокой мудрости, если только можно назвать его человеком. Он творил чудеса и был учителем людей, с радостью воспринимавших истину: многих из иудеев и греков привлек он на свою сторону. Это был Христос. Когда по доносу первенствовавших у нас людей Пилат распял его на кресте, не поколебались те, кто первыми его возлюбили. На третий день он снова явился живой к ним, о чем, равно как и о тысяче других чудесных дел, предсказали еще божественные пророки. И до сих пор еще существует род христиан, получивших от него свое имя». В другом случае говорится мельком о суде над Иаковом, «братом Иисуса, называемого Христом».

В книге римского историка Тацита «Анналы» (Летописи), написанной около 117 года, рассказывается о гонениях на христиан при императоре Нероне в 64 году. Тацит объясняет название христиан тем, что «виновником этого имени» был Христос, «который в правление Тиберия казнен прокуратором Понтием Пилатом».

Больше ни у кого из перечисленных писателей I века ни малейшего упоминания о Христе нет. Рассмотрим приведенные здесь высказывания историков.

Отрывок из Иосифа Флавия сразу наводит на серьезные сомнения. Дело в том, что Иосиф до конца дней своих оставался набожным иудеем. Если бы он так написал об Иисусе, как в приведенном отрывке, это значило бы, что он уверовал

в христианское учение. А этого никогда не было. В самом ходе изложения у Иосифа это место не связано ни с предыдущим, ни с последующим. Неудивительно, что не только историки, но и богословы давно уже усомнились в подлинности этого места в книге Иосифа.

Церковный писатель Ориген, живший в первой половине III века, сетовал в своих произведениях, что Иосиф молчит об Иисусе. В произведениях христианских авторов первых трех веков нашей эры — Юстина, Иринея, Тертуллиана, Климента Александрийского — нет ни одной ссылки на свидетельство Иосифа об Иисусе. Впервые упомянул об этом свидетельстве церковный историк Евсевий в книге, написанной около 320 года. Но и позднее нередко еще попадались экземпляры книги Иосифа Флавия, в которых этого места об Иисусе не было. Например, в IX веке константинопольский патриарх Фотий имел такой экземпляр.

Какой из всего этого следует вывод? Только тот, что о Христе вписали в книгу Иосифа переписчики-христиане; им должно было казаться большой ошибкой или даже виной Иосифа Флавия то, что он, по их мнению, забыл или не захотел упомянуть о Христе. Сделана была эта вставка примерно в начале IV века. Это теперь признают почти все историки, даже настроенные совсем не атеистически. Больше того, очень многие богословы признают подложность этого места у Иосифа.

В сочинении римского историка Светония «Жизнь двенадцати цезарей» есть упоминание о том, что в царствование Клавдия некий Хрест подстрекал иудеев к восстанию и был за это изгнан из Рима. Это свидетельство относится не к евангельскому Христу. По евангелиям, Христос никогда в Риме не был. Имя Хрест было очень распространенным среди римских рабов и вольноотпущенников; какой-нибудь Хрест, «возмутитель спокойствия» римских властей, конечно, мог жить и действовать в Риме I века, но Иисус Христос здесь ни при чем. Если бы, однако, данное место у Светония относилось даже к Иисусу Христу, это все равно не свидетельствовало бы об историческом существовании Христа, ибо Светоний писал свое сочинение во II веке, а это значит, что он мог заимствовать легенду о Христе у самих христиан.

О свидетельстве Тацита идут между историками серьезные споры, считать его подлинным или вставкой, сделанной позд-

152—2

нее христианами-переписчиками. Мы можем не вдаваться здесь в суть этих споров — ведь даже в том случае, если сомнительное место у Тацита является подлинным, оно все равно не свидетельствует об историческом существовании Христа. «Анналы» Тацита были написаны, как уже сказано, в 117 году, когда христиан было уже довольно много и они считали, что их наименование идет от имени Христа; что же удивительного, если Тацит повторил их объяснение без проверки?

Есть еще документ, на который ссылаются те, кто признает историческое существование Христа. Это приписываемое Плинию Младшему (политику и писателю начала II века) донесение императору Траяну. В 111—113 годах нашей эры Плиний был наместником провинции Вифинии. Оттуда он будто бы послал императору Траяну письмо с запросом, как ему обра-

Элементы мифа о Христе, перешедшие в христианство из «языческих» религий древности. По евангелиям, Иисус родился чудесным образом от девственницы, в момент рождения ему было оказано поклонение, для прославления его явилось «многочисленное воинство небесное». Все эти элементы имеются также в легенде о боге Будде, возникшей за пятьсот лет до христианства.

На рисунке — индийская лубочная картина, изображающая чудесное рождение Будды непорочной девой Майей, поклонение ему, появление «небесного воинства».

щаться с христианами, которых там много. Подлинность этого письма оспаривается очень многими историками. Но для решения нашего вопроса даже не существенно, является ли письмо Плиния подлинным или оно подложно. Там речь идет не о Христе, а о христианах. Если письмо Плиния не подделка, то оно свидетельствует только о том, что в начале II века уже было довольно много христиан. Вопрос же об историческом существовании Христа здесь совершенно ни при чем.

Литературные произведения переписывались в те времена от руки, самое большее в нескольких десятках экземпляров. В так называемых скрипториях («писальнях») одновременно трудилось много переписчиков — каждый над своим экземпляром. Отдельные экземпляры могли отличаться друг от друга уже после первой переписки, а после следующих — еще больше. Вообще переписчик был отчасти хозяином положения и мог вносить изменения в переписываемую книгу, сообразуясь со своими вкусами и взглядами. Так и бывало. В рукописных книгах имеется много вставок, разночтений, ошибок, пропусков. Ничего удивительного нет в том, что христианские переписчики, желая укрепить свою религию, занимались «благочестивым обманом» и вписывали то, что им казалось нужным.

Дело, однако, не сводится к тому, являются ли перечисленные выше документы подлинными или они подложны. В конце концов, если даже признать на минуту, что все они подлинны, это все же не даст никаких оснований отстаивать историческое существование Христа, ибо ни один из этих документов даже церковниками не приписывается современникам или очевидцам событий, о которых рассказывается в евангелиях. Все источники — позднейшего происхождения и могли быть полностью основаны на рассказах самих христиан, а эти рассказы в свою очередь являться порождением их религиозной фантазии.

Для истории древнего мира имеют очень большое значение археологические материалы, находимые в специально организуемых раскопках. Дают ли что-нибудь археологические находки для решения вопроса о существовании Христа?

Как раз в течение последних десяти лет (с 1947 г.) в Палестине на побережье Мертвого моря ведутся раскопки, давшие уже теперь много материала. Кое-что из него имеет значение и для вопроса о происхождении христианства.

Элементы мифа о Христе, перешедшие в христианство из «языческих» религий древности.

На рисунке слева — древнеегипетское изображение богини Изиды, спасающейся бегством вместе со своим сыном Гором от козней злого бога Сета (стенная живопись из Помпеи). Справа — средневековое изображение бегства богородицы с младенцем Иисусом в Египет (стенное изображение в католической церкви Сенбенда-сюр-Луар во Франции).

В пещерах района Хирбет Кумран было найдено большое количество древних рукописей на коже, бережно уложенных в глиняные кувшины и, видимо, запрятанных на длительное хранение.

Тщательное исследование показало, что рукописи были спрятаны около 70 года нашей эры. До этого времени здесь существовало поселение иудейской секты эссенов. Во время восстания евреев против римского владычества («иудейская война») поселение в Хирбет Кумране было сожжено и покинуто его обитателями. Перед своим уходом жители Хирбет Кумрана спрятали в пещеры свои священные книги и вообще все документы, которые они считали ценными.

Иностранная печать много писала о значении кумранских находок для решения вопроса о происхождении христианства. Богословы и богословствующие историки пытались найти в них свидетельства об историческом существовании Христа и о раннем христианстве.

В одном из найденных документов, в толковании («мидраше») к библейской книге пророка Аввакума, сказано о некоем

«учителе справедливости», с которым жестоко обошлись иерусалимские жрецы. Об этом «учителе справедливости» говорится как о божественном существе и посланнике бога, пострадавшем от козней нечестивых людей. В некоторых других кумранских документах также содержатся туманные намеки на мессию, который не то пришел, не то должен прийти в ближайшее время. Именно на этом основании некоторые зарубежные авторы говорят о подтверждении кумранскими находками христианского учения. Однако основание это не выдерживает никакой критики.

Во-первых, о мессии и без того много говорится в книгах пророков, чаще всего о том, что следует ждать его прихода, но иногда текст можно понять и так, что мессия уже пришел. Из этого совсем не следует, что речь идет о Христе, так как книги пророков написаны задолго до того времени, к которому церковь относит жизнь и деятельность Христа. Тем более неопределенны упоминания об «учителе справедливости». Какие основания думать, что имеется в виду именно Христос? Разве мало было всяких других проповедников, основателей вероучений и сект, в том числе и людей, пострадавших за свою деятельность?

В связи с этим имеет некоторое значение вопрос: к какому времени относятся кумранские документы? То, что они были спрятаны около 70 года нашей эры, еще ничего не говорит о том, когда они были написаны. Точно указать дату каждого из документов пока невозможно, для этого наука еще не располагает достаточными материалами. Ясно одно, что ни один из них не был написан позже чем начало 70-х годов нашей эры. Большинство же написано значительно раньше и, по-видимому, относится к II—I векам до нашей эры. А отсюда вытекает вывод о том, что находки в Кумране не дают ничего для доказательства исторического существования Христа.

В тех документах, которые относятся к первому веку нашей эры и к еще более раннему периоду, указаний о Христе вообще не может быть, так как Христос, по учению церкви, жил позже. Если же в кумранских документах имеются такие, которые относятся к второй половине I века нашей эры, то это является еще одним доказательством неправильности церковного учения о Христе. Если бы деятельность Христа развернулась в начале тридцатых годов и ее результатом было бы бы-

строе и широкое распространение христианского учения, то в документах это должно было найти какое-то отражение: там должны были быть прямые указания на Иисуса Христа и на события, о которых рассказано в евангелиях, там должна была прямо уже идти речь о христианстве и христианах. Но ничего этого в кумранских документах, как и вообще в материалах раскопок последних лет и десятилетий, нет.

Все же для освещения вопроса о происхождении христианства эти последние раскопки кое-что интересное дают. Документы, найденные в кумранских пещерах, принадлежали, видимо, членам секты эссенов (иногда они именуются в литературе ессеями). Эссены же были предшественниками христианства, поэтому идеология, родственная первоначальному христианству, могла тем или иным путем отразиться в кумранских документах. Но ничего принципиально нового по сравнению с тем, что наука уже узнает об эссенах, раскопки пока не дали.

Что же касается мнения о том, что Иисус Христос существовал, как историческая личность, то оно не подтверждается и раскопками, ни прежними, ни теми, которые производились в последние десятилетия. Оно буквально висит в воздухе и ничем не может быть доказано. Само собой напрашивается вывод: Христос не существовал.

Для I века нашей эры, то есть для периода, к которому относится самое начало христианства, евангелия историческими источниками не являются. Другое дело — для более позднего времени, для того времени, когда они возникли. Мы сейчас рассмотрим историю появления евангелий, тогда станет ясно, что для изучения II века нашей эры они представляют известную ценность как исторический источник.

— ■ —

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ИСТОРИИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ КНИГ

ЕВАНГЕЛИЯ—СБОРНИКИ МИФОВ

Мы видели, что заключающиеся в евангелиях рассказы о людях и событиях I века не внушают доверия. Что же касается многочисленных рассказов о чудесах и других сверхъестественных событиях (о непорочном зачатии Иисуса Христа, о чудесных исцелениях и воскрешении умерших, о вознесении воскресшего Иисуса на небо), то все это мифы. Евангелия — сборники мифов.

Слово «миф» означало на языке древних греков «сказание», «предание». Мифами назывались широко распространенные в древней Греции легенды о богах и героях, об их великих подвигах и сверхъестественных приключениях. Были мифы, которые больше приближались к волшебной сказке, чем к религиозному учению; таковы, например, мифы о Геракле и о походе аргонавтов за золотым руном. Но и религиозные учения древности находили выражение в мифах. Во всех древних религиях было огромное количество мифов, которые рассказывали о богах и полубогах, о святых людях, близких к богам, о чудесах и других небывалых историях, свидетельствующих якобы об истинности именно данной религии. Конечно, нельзя верить

в истинность событий, о которых говорится в мифе. Нет никаких оснований думать, что герои мифов существовали, что рассказанное об этих героях действительно происходило. Все это создание фантазии. Что касается евангельских рассказов, то это чисто религиозные мифы; они-то и стали основой христианского вероучения. Целью авторов евангелий было дать не рассказы об исторических событиях, а назидание в вере, религиозное наставление.

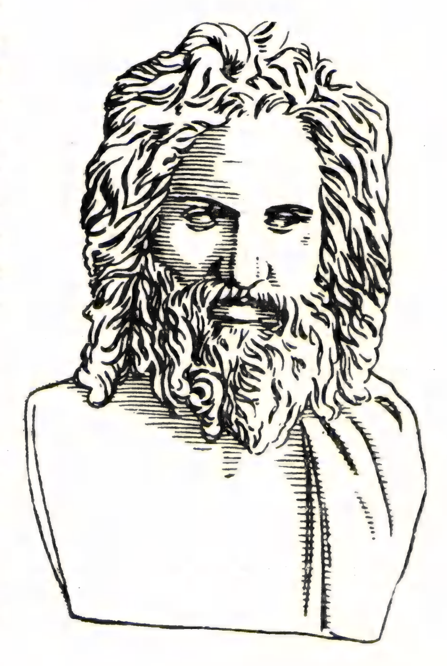
Верующий человек может возразить: мыслимо ли, чтобы книга, которую столько людей считало и считает священной, на самом деле представляла собой сборник легенд. Бывало ли когда-нибудь подобное в истории человечества?

Да, бывало, и не раз!

Почти каждая религия имеет свои «священные» книги, которые ничем не лучше и не хуже евангелий. В них тоже рассказываются мифы о богах и героях, о пророках и богочеловеках. Каждая религия имеет свою мифологию.

На празднествах и пирах у древних греков бродячие певцы пели ими же сочиненные песни. В этих песнях прославлялись боги — Зевс, Артемида, Посейдон, Гермес, Афродита, Дионис. Рассказывалось и о великих подвигах выдуманных героев — полубогов-полулюдей. Очень распространен был миф о Геракле (Геркулесе) — богочеловеке сказочной силы и храбрости, совершавшем неслыханные подвиги. Надо, кстати, отметить, что Геракл в мифе, как и Иисус в евангелиях, рождается от бога и земной женщины. И умирает он также мучительной смертью.

Задолго до того, как появился миф о Христе, у древних фригийцев был миф о богочеловеке Аттисе, похожий на миф о Христе. Верили, что Аттис родил-

Древнегреческий бог Зевс.

ся от чудесно зачавшей его непорочной девы по имени Нана. Впоследствии Аттис погиб, но воскрес, и в честь его воскресения происходили у древних фригийцев пышные торжества, похожие на христианскую пасху.

У древних индусов мифы были собраны в так называемой книге Вед. И там есть свои боги и полубоги. У древних иранцев тоже до появления христианства существовала «священная» книга Авеста, также полная мифов о богах и героях. По числу невероятных событий, описанных в них, эти книги никак не уступают евангелиям.

Вначале мифы передаются устно: их рассказывают и поют бродячие певцы и сказочники, проповедуют жрецы, передают подрастающему поколению старики и старухи. В это время еще нет твердо установленного текста мифов. Каждый, кто рассказывал миф другому, мог его изменить и, конечно, изменял, иногда даже нечаянно. Он мог сократить рассказ, выбросив какие-нибудь подробности, мог и прибавить новые, сделав миф более длинным и затейливым.

В дальнейшем мифы стали записываться. Появились книги, в которых собраны легенды о том или другом боге или сказочном герое. При записи в миф опять-таки вносились многие изменения. А если разные люди записывали один и тот же миф, да еще в разных местах, у них неминуемо возникали противоречия друг с другом. Поэтому в одном месте миф сохранился в одном виде, в другом месте он рассказывался по-другому. И часто получалась такая же разноголосица, как в евангелиях.

Как же появились евангелия, как они стали «священным писанием» христианской религии? Чтобы ответить на это, надо выяснить происхождение самого христианства.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА И ПОЯВЛЕНИЕ ЕВАНГЕЛИЯ

Примерно девятнадцать веков назад появилась христианская религия. Она возникла в восточных странах, завоеванных и угнетенных Римской империей, распространилась среди беспощадно эксплуатируемых рабов, среди разорявшихся и нищавших крестьян, среди безработных, вечно голодных бед-

няков, рассеянных по городам Малой Азии и Египта. Жизнь этих «труждающихся и обремененных» была невыносимо тяжелой. Доведенные до отчаяния, угнетенные нередко восставали против господ.

Часто в Римской империи происходили восстания рабов. Особенно кровопролитными и упорными были сицилийское восстание 136 года до нашей эры и восстание Спартака 73—71 годов до нашей эры. Властителям Римской империи стоило многих усилий подавить эти восстания; при этом совершались крайние жестокости. Восставали и крестьяне. Порабощенные Римом страны, в том числе Иудея, тоже нередко поднимали знамя восстания. Однако никому не удавалось тогда серьезно поколебать мощь рабовладельческой Римской империи.

В то время еще не было революционной силы, которая могла бы сломить существовавший общественный строй. И рабы и крестьяне были неорганизованны и распылены. Они не имели ясных общих целей и потому не могли объединиться для совместной революционной борьбы. Никакие усилия не приводили к освобождению и реальному улучшению жизни людей. Владычество рабовладельцев казалось непоколебимым.

В такие тяжелые времена обычно в огромной степени усиливается религиозность масс. Потеряв веру в себя, отчаявшись, заблудившись на земле, люди начинают с особенным рвением искать путь на небо.

Так было и в Риме. Угнетенные и бессильные низы населения, разбитые в революционной борьбе, все более возлагали надежды на божественных «спасителей», которые появятся-де с неба и наведут порядок. Вера в таких спасителей и раньше существовала во многих религиях, в особенности восточных. Эти религии стали быстро распространяться среди угнетенных в разных странах. Таковы были древнеперсидская религия бога Митры, египетская религия Озириса и Изиды, древнегреческая религия Диониса — Загрея. Между прочим, миф о Загрее очень похож на миф о Христе. Загрей, как и Христос, якобы родился от девы (Коры), он сошел на землю, чтобы своими мучениями искупить людские грехи, потом погиб, но воскрес.

Вера народных масс в небесного спасителя и ожидание его прихода были так сильны, что римские императоры стали ее использовать для возвышения и укрепления своей власти. Они

Восстания рабов в древнем Риме подавлялось рабовладельческим государством со страшной жестокостью. Наиболее распространенной казнью было распятие на столбе. Бессилие рабов в борьбе с господствовавшими порядками способствовало распространению среди них религиозно-мистических настроений, связанных с ожиданием прихода небесного спасителя.

На рисунке — панно худож. В. И. Кокорева, изображающее распятых участников восстания рабов.

Музей истории религии и атеизма АН СССР (Ленинград)

заставляли называть себя спасителями. Сохранилась такая надпись о римском императоре Августе, сделанная в 9 году до нашей эры:

«Нам и тем, что после нас, он был послан как спаситель... День рождения этого бога был для всего мира началом благовестий, исходящих от него».

На эту надпись стоит обратить особое внимание. Во-первых, интересно то, что царь именуется спасителем людей, то есть возвеличивается, как бог. Во-вторых, очень важно в этой надписи слово «благовестия»: надпись сделана на греческом языке, а «благовестие» по-гречески называется «евангелион» — евангелие. Значит, сообщение о боге-спасителе называлось тогда евангелием. Выходит, что христианские церковники даже название своей «священной» книги не сами придумали, а заимствовали из других, более древних религий.

Вера в спасителя была особенно сильна среди иудеев. Еще во времена вавилонского пленения (VI век до н. э.) в их религии сложилось учение о том, что бог не допустит гибели своего

народа и в конце концов спасет его. Для этого бог пошлет спасителя, мессию, который создаст на земле царство небесное. Этот спаситель должен был происходить обязательно из рода царя Давида.

Вера в пришествие мессии была распространена и среди народов, живших вне Иудеи. Они мессию обычно представляли себе иначе, чем в Палестине: не человеком, который поведет за собою народ, а сверхъестественным существом, которое спасет людей тоже неземными, божественными средствами. Среди народов Малой Азии, Египта и других стран часто появлялись другие слухи о мессиях, которые действуют сейчас или уже были немного раньше и должны придти еще раз.

Иногда за мессию принимали какого-нибудь действительно жившего на свете человека, но чаще всего в основе всех слухов был вымысел.

Кто-нибудь пускал слух, что где-то родился мессия. Среди людей, постоянно ожидающих этого, такие слухи быстро распространялись. Они передавались из уст в уста, обрастали все новыми подробностями, так как каждый прибавлял что-нибудь от себя. Народная фантазия сочиняла десятки сказок о выдуманном спасителе: о его необыкновенном рождении, о чудесах, которые он творил, о его победах над врагами. Нередко сочинялась история и о смерти являвшегося спасителя. Без этой истории получалось нескладно: ведь хоть и приходил спаситель, но положение оставалось прежним, спасения все-таки не наступало! Приходилось выдумывать, что люди своей греховностью испортили спасителю первый его приход и он ушел, но скоро явится опять. И уж тогда он явится по-настоящему, «во всей славе».

Легенды о том, что спаситель уже приходил и опять скрылся и что это произошло именно в Палестине, тем легче распространялись в других странах, что издалека труднее было проверить, содержится ли в них хоть зерно истины.

Так появилась и легенда о мессии-спасителе Иисусе Христе.

Она возникла вначале в городах Малой Азии, Сирии и Египта. Легенда ходила по городам и селам Римской империи в виде устных рассказов и пересказов. Примерно в 68 году нашей эры она была использована каким-то неизвестным автором, который назвал свое произведение «Откровением

Иоанна», или «Апокалипсисом». Это чрезвычайно путаная и бессвязная книга. Главное в ее содержании — пророчества о скором пришествии спасителя Христа. В ней почти нет ничего из того, что написано о жизни и смерти Христа в евангелиях. Автор «Апокалипсиса» говорит самыми туманными намеками, общими фразами, таинственными, запутанными притчами. Легенды о Христе в том виде, как она изложена в евангелиях, тогда еще не было. Она сформировалась окончательно и обросла подробностями в следующем столетии.

Слухи о Христе быстро распространились среди угнетенных масс Римской империи. Мы уже говорили о том, почему массы ждали спасителя и верили в скорый его приход. По многим причинам, о которых мы скажем дальше, легенда о Христе оказалась более живучей, чем легенды о многих других спасителях.

В Римской империи появились целые общины поклонников этого никогда не существовавшего спасителя. Создался постепенно и культ, возникли обряды, которые и теперь существуют в христианской религии. Появились жрецы новой религии, руководители общин — пресвитеры, а затем и епископы. Бродячие проповедники переходили из одной общины в другую и всюду рассказывали о новом боге-спасителе Христе, выдумывая все новые и новые подробности. Кое-кто записывал эти устные рассказы. Между общинами завязывались связи, шла переписка. Появился особый род религиозной литературы, так называемые «послания», то есть письма проповедников разным общинам. Известны, например, послания Климента, Игнатия, Поликарпа, Варнавы, а также послания, которые церковь приписывает никогда не существовавшему апостолу Павлу. Появились сборники изречений, приписываемых Христу (они назывались «Логии»). Одно за другим стали появляться и евангелия.

За полтора-два столетия появилось много евангелий. Чуть ли не каждая мало-мальски крупная община имела свое евангелие. Были евангелия Фомы, Якова, Никодима, Петра, второго Матфея, затем «евангелие египтян», «евангелие эвионитов» и т. д. Автор евангелия от Луки прямо пишет: «...уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях» (Лука, гл. 1, ст. 1). К началу IV века евангелий было уже, вероятно, не менее ста.

Все они сильно различались между собою. Ведь состав первоначальных христианских общин был самый разнообразный и по социальному положению и по национальности: здесь были в первую очередь рабы, были нищавшие крестьяне и ремесленники, были представители угнетенных национальностей, были также представители имущих классов. У всех этих христиан политические и религиозные стремления были различны, а кое в чем даже противоположны. Поэтому и евангелия они создавали разные.

Помимо того, что существовали различные евангелия разных авторов, было и много расхождений между разными копиями одного и того же евангелия. Мы уже напоминали, что книгопечатания тогда не было, книги переписывались от руки. Среди переписчиков были невежественные и малограмотные люди. Они переписывали с ошибками, нередко меняли то или другое место в книге, выбрасывали непонравившееся, вставляли свое. И оказывалось, что две копии одного евангелия (скажем, Марка) отличались одна от другой. К тому же еще евангелия переводились на разные языки, и переводчики, также часто невежественные люди, вносили еще больше путаницы.

Элементы мифа о Христе, перешедшие в христианство из «языческих» религий древности. Древнеегипетское изображение богоматери Изиды с сыном Гором.

Все это создавало полный хаос в «священных» книгах. Руководители христианской церкви видели, конечно, что это невыгодно для нее, что при таком положении им трудно объединить все общины под своей властью. Ведь если в общинах почитаются разные «священные» книги, — значит, там разнятся и верования. И «отцы церкви» старались уменьшить число евангелий, признать святость лишь за некоторыми из них. Это было, однако, нелегко.

В спорах о том, какие евангелия признать священными, а какие забраковать, развертывалась борьба христианских пар-

тий, групп, сект. К этому времени в христианстве было уже много разных группировок: монофизиты, маркиониты, николаиты, докеты, манихейцы, монофелиты, эвиониты, ариане и многие другие. Каждая из них понимала христианство по-своему. Между ними не прекращалась жестокая борьба, доходившая до настоящих потасовок.

Делались попытки установить какие-нибудь общепринятые евангелия. Так, например, около 170 года сириец-христианин Татиан скомбинировал из разных евангелий одно, так называемую «Гармонию». Почти два столетия «Гармония» считалась священной книгой в христианских общинах Сирии, Палестины, Египта и Малой Азии. Потом антиохийский епископ Феодорит распорядился собрать все экземпляры «Гармонии» и сжечь. Было уничтожено несколько сот рукописей. Примерно в 140 году богослов Маркион (церковь причислила его потом к еретикам) объявил священными десять посланий Павла и одно евангелие. Это был первый так называемый «канон», то есть твердо установленный список «священных» книг. После этого вопрос о том, какие евангелия считать правильными, «каноническими», «богодухновенными», много раз обсуждался богословами на церковных соборах. Все евангелия противоречили друг другу и самим себе, так что выбрать было трудно. Однако в конце концов Лаодикейский церковный собор в 364 году постановил считать каноническими евангелия Матфея, Марка, Луки и Иоанна — те самые, которые и теперь входят в Новый завет. Остальные были признаны апокрифическими, то есть еретическими, ложными.

На первый взгляд может показаться странным, почему не согласовали текст тех евангелий, которые были, наконец, приняты? Ведь можно было так подчистить все четыре евангелия, чтобы они по крайней мере не противоречили одно другому? Но дело в том, что эти четыре евангелия считались священными в разных, притом в наиболее значительных христианских общинах. В одном месте почиталось евангелие Марка, в другом — Луки и т. д. Менять их текст — значило бы вызывать сильнейшее недовольство в тех общинах, где данное евангелие почиталось. Пришлось махнуть рукой на противоречия и оставить все в том виде, как было.

Все же и после Лаодикейского собора еще долго спорили, какие книги Нового завета считать священными. Наиболее

острые споры разгорались об «Апокалипсисе» и «Посланиях», но и с евангелиями было не просто. Вопрос о них рассматривался на соборах в Гиппоне (393 г.), в Карфагене (397 г.) и два раза в Риме (в начале и в конце V в.). Трудно теперь выяснить, как враждовавшим группам в конце концов удалось прийти к соглашению. Известно лишь, что на церковных соборах происходили бурные столкновения, а нередко и драки.

Сами церковники рассказывают о том, как Николай Мирликийский на Никейском соборе дал Арию пощечину! Это, конечно, легенда, — исторические источники ее не подтверждают. Но в основе таких легенд лежит то, что на церковных соборах драки происходили довольно часто. Особенно любопытен в этом отношении вселенский собор 449 года, происходивший в Ефесе. На этом соборе архимандрит Варсума так избил константинопольского патриарха Флавиана, что тот вскоре умер. А руководивший собором александрийский патриарх Диоскор добился принятия своих предложений довольно оригинальным способом. Его писцы писали протоколы собора заостренными металлическими палочками на дощечках, покрытых воском. Когда несогласные с Диоскором участники собора стали упорно отвергать его предложения, писцы бросились к ним и каждого поодиночке силой заставили подписать тот протокол, который нужен был Диоскору. Кто особенно упорствовал, тот получал несколько хороших уколов в наиболее чувствительные места металлическими палочками, приготовленными для писания.

Так патриарх Диоскор «убедил» всех тех, кто с ним не хотел согласиться...

АПОКРИФИЧЕСКИЕ ЕВАНГЕЛИЯ

Что представляли собой те евангелия, которые были отвергнуты церковью как апокрифические?

Далеко не все они дошли до нас. Вероятно, многие погибли; учеными найдены лишь немногие. Все же то, что уже обнаружено, дает нам полную возможность судить о характере апокрифических евангелий.

Некоторые из них дошли до нас целиком, например еван-

гелие Фомы, протоевангелие Иакова, два евангелия Никодима. От других остались только отрывки, а некоторые евангелия мы знаем только по заглавию, так как даже выдержки из них не сохранились, а есть только упоминания их заглавий в разных книгах того времени. Вот названия евангелий, дошедших до нас в отрывках или только известных по заглавиям: евангелие от египтян, «евангелие вечное», евангелие Андрея, евангелие Апеллеса, евангелие двенадцати апостолов, евангелия Варнавы, Варфоломея, Василида, Керинфа, Евы, евангелие от евреев, евангелие манихеев, евангелие Маркиона, «евангелие совершенства», евангелия Филиппа, Петра, Татиана, Валентина, евангелие сирийцев, «Вопрошания Марии», «Повесть о законном священстве Христа» и т. д. Как видим, много было этих отвергнутых церковью «священных» книг. За что же они были отвергнуты?

Можно подумать, что между апокрифическими евангелиями и теми, которые приняты церковью как священные, есть существенная разница. Церковь именно так и изображает дело. Это, однако, совершенно неправильно. Стоит прочитать дошедшие до нас целиком апокрифические евангелия, чтобы увидеть, что они в сущности ничем не отличаются от канонических.

Возьмем, например, одно из так называемых евангелий детства Иисуса — евангелие Фомы. В нем подробно рассказывается о жизни Иисуса от пяти до двенадцати лет.

Оказывается, он еще ребенком творил удивительные чудеса. Например, играя на берегу реки, он вылепил из глины двенадцать воробьев, приказал им взлететь — и глиняные воробьи немедленно взлетели. А когда один из игравших с ним ребят вылил воду, которая набралась в ямке, сделанной в песке Иисусом, «сын божий» проклял его, «и тотчас мальчик тот высох».

Очень трудно приходилось, по евангелию Фомы, учителям Иисуса. Стоило мальчику рассердиться за что-нибудь на учителя, как того немедленно постигали жестокие кары. Так, когда «учитель, обидевшись, ударил Иисуса по голове, ...мальчик проклял его, и тотчас он испустил дух и упал на землю навзничь». Мальчик Иисус воскрешает мертвых, исцеляет больных, словом, делает все то, что полагается делать чудотворцу.

В других апокрифических евангелиях чудеса Иисуса расписываются еще затейливее. В протоевангелии Иакова, например, подробно описывается бегство Иосифа и Марии с младенцем в Египет: проводниками «святому семейству» служат львы и леопарды; когда на путешественников нападают огромные змеи, Иисус укрощает их одним своим приказанием; когда по пути «святое семейство» вошло в какой-то языческий храм, все триста пятьдесят пять идолов, стоявших там, тотчас упали на землю и разбились. Остальное в том же духе.

В арабском евангелии среди прочих легенд рассказывается такая. Некий юноша был злым волшебством колдуна превращен в мула. Случилось Иисусу ехать на этом муле. Как только он взобрался ему на спину, мул немедленно опять превратился в человека.

Фантастические измышления — скажет читатель. Конечно! Но чем они отличаются от тех легенд, которыми полны страницы канонических евангелий? Разве хождение по воде, как по суху, превращение слепых в зрячих одним прикосновением, воскрешение мертвых и тому подобные чудеса канонических евангелий чем-нибудь отличаются от чудес евангелий апокрифических?

Есть среди апокрифических евангелий и такие, которые не признают существования Иисуса Христа во плоти. В них очень мало говорится об Иисусе как о человеке, о его жизни и делах. Иисус в этих евангелиях представлен как таинственный дух, как «слово», только кажущееся человеческой плотью. От греческого слова «докео» (кажусь) и происходит слово «докеты» — название секты христиан, считавшей, что у Христа не было человеческой природы и что он только казался телесным существом. Еще до появления христианства существовала религиозно-философская секта гностиков, тоже считавших бога неизреченно таинственным «словом» — «Логосом». В некоторых апокрифических евангелиях влияние гностиков и докетов чувствуется очень сильно. Может быть, это и отличает апокрифические евангелия от канонических? Нет, и не это.

Во-первых, далеко не все апокрифические евангелия написаны в этом духе. Во-вторых, среди канонических евангелий тоже есть одно, написанное под очень сильным влиянием гностиков, — это евангелие Иоанна. Оно начинается словами: «Вначале было слово («Логос»), и слово было от бога, и слово

было бог». Гностического тумана в евангелии Иоанна не меньше, чем в любом из апокрифических евангелий. Но это не помешало христианской церкви включить евангелие Иоанна в число канонических.

Может быть, в апокрифических евангелиях иначе, чем в канонических, решаются вопросы морали, по-иному излагается учение Христа? Конечно, в апокрифических «речениях христовых» немало противоречивого, и довольно часто они противоречат текстам канонических евангелий. Однако, как мы видели, канонические евангелия и сами противоречат себе на каждом шагу. А в основном «учение христово» изложено в апокрифических евангелиях примерно так же, как в канонических.

Таким образом, существенной разницы между каноническими и апокрифическими евангелиями нет; и если в свое время церковь объявила одни евангелия священными, а другие — отвергнутыми, «апокрифическими», то лишь по своим церковным соображениям, о которых мы уже говорили.

Как бы то ни было, однако, были приняты и объявлены священными только евангелия Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Что представляют собой эти четыре евангелия, мы уже говорили подробно. Остается еще сказать об их авторах и о том, когда эти евангелия были написаны.

КЕМ И КОГДА БЫЛИ НАПИСАНЫ КАНОНИЧЕСКИЕ ЕВАНГЕЛИЯ

Исторической науке здесь еще не все ясно. Есть разногласия между учеными, есть такие вопросы, по которым еще нельзя создать научную теорию, приходится ограничиваться гипотезой, предположением.

Читатель может спросить: а зачем гипотезы? Мне нужно твердое знание, — когда, где, что происходило. В таком возражении есть доля истины. Действительно, твердо установленная теория лучше гипотезы. Но правдоподобная гипотеза несравненно лучше неправильной теории, которая выдается за правильную. Наука в этом отношении тем и отличается от религии, что она не берет ничего на веру, что она во всем добивается обоснования и доказательства. И если по тому или иному вопросу сегодня нельзя еще утверждать что-либо с полной уве-

Заглавный лист евангелия XVI века. По углам изображены символы евангелистов: ангел, лев, орел и бык.

ренностью, то наука честно говорит об этом и предлагает предварительное решение, которое в дальнейшем будет уточнено, подтверждено, а может быть (случается и так!), будет заменено другим.

Отдельные отрывки евангелий сохранились в довольно большом количестве; их насчитывалось к 1935 году сто четырнадцать, причем подавляющее большинство из них относится к IV—VIII векам нашей эры. Самые древние отрывки были найдены в 1935 году в Египте. Они написаны на папирусе и, по мнению специалистов по древним рукописям, относятся примерно к 150 году нашей эры. По своему содержанию эти отрывки не совпадают ни с одним из канонических евангелий. Только семь стихов можно считать в какой-то мере совпадающими с соответствующими стихами евангелия Иоанна (гл. V, ст. 39 и сл.), остальные относятся к евангелиям, признанным церковью апокрифическими.

Из того, что в 150 году уже имелись некоторые тексты, которые теперь содержатся в евангелии Иоанна, совсем не следует, что тогда это евангелие уже было. Судя по всему, эти несколько фраз не были тогда выписаны из евангелия Иоанна, а, наоборот, в дальнейшем, при написании этого евангелия, этот материал, как и многие другие, был включен в него. Если бы это было не так, то в найденных отрывках мы имели бы более связные тексты из евангелия Иоанна, притом с ссылкой на то, что тексты взяты именно из этого евангелия. А в общем отрывки 150 года не дают оснований для вывода о том, что в это время какое-либо из современных канонических евангелий уже существовало.

Древнейшие экземпляры евангелий, сохранившиеся в более или менее цельном виде, относятся ко времени не ранее IV века нашей эры. Их всего четыре, в том числе так называемый «Синайский кодекс», одно время хранившийся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. В середине прошлого века он был найден ученым Тишендорфом в синайском монастыре, потом его приобрела библиотека. Ясно, конечно, что рукописи IV века не могут нам ничего сказать о времени и обстоятельствах первоначального появления евангелий. Это не подлинники, не первоначальные рукописи, а их копии. Хорошо известно, что евангелия появились не в IV веке, а значительно раньше.

Надо еще иметь в виду, что теперешние четыре евангелия во многом отличаются от тех, которые вначале существовали под этим названием. Много изменений внесли переписчики, переводчики, редакторы. Мы так и не знаем, каковы были евангелия

в первоначальном виде. Это еще больше усложняет решение вопроса о происхождении канонических евангелий. Тем не менее вопрос этот теперь уже довольно ясен, хотя нельзя еще пока точно сказать, в каком году или десятилетии написано то или другое из евангелий, а также каково было действительное имя каждого из авторов.

Прежде всего надо сказать, что евангелия не были написаны ни Матфеем, ни Марком, ни Лукой, ни Иоанном. Недаром, переводя их с греческого языка на церковно-славянский и на русский, православные церковники пошли на хитрость и написали: «евангелие от Матфея», «от Марка», «от Луки», «от Иоанна»; выходит как будто, что евангелия сочинены именно Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном. На самом деле в греческом тексте нет слова «от», а есть слово «ката», что значит «по»; следовательно, правильный перевод будет такой: «евангелие по Матфею», «по Луке», «по Марку», «по Иоанну». А это совсем другое дело!

В древности часто бывало, что автор книги, чтобы придать ей больший вес и значение, подписывал ее не своим именем, а каким-нибудь чужим, особенно авторитетным и известным, или выдавал ее за сочинение вымышленного «пророка», «святого» и т. п. Нечто похожее произошло и с евангелиями, только с той разницей, что действовали здесь, вероятно, не сами авторы евангелий, а руководители христианской церкви.

В этом признаются и сами церковники. Например, Иоанн Златоуст прямо пишет, что авторские имена были даны евангелиям только в конце II века. Евангелиям дали имена вымышленных учеников Иисуса, чтобы легче было заставить людей уверовать в эти мнимые «показания очевидцев».

Первые три евангелия во многом совпадают. Значит, одно из двух: либо все три евангелиста списали свои произведения у какого-то четвертого, либо один из трех написал свое евангелие раньше, а остальные два потом уже списали у первого, внеся свои изменения и добавления. После долгих споров ученые пришли к тому, что правильно второе предположение: одно из евангелий было написано раньше других, а остальные два были с изменениями списаны с первого. Какое же из трех написано раньше?

Евангелие Марка значительно короче остальных двух. В нем нет многого из того, что сообщают другие евангелисты.

Оно начинает изложение прямо с крещения Иисуса Иоанном Крестителем, а мифов о непорочном зачатии, о рождении Иисуса, о бегстве в Египет и детстве Иисуса у Марка нет. Если бы автор евангелия Марка пользовался как готовым источником двумя другими евангелиями, он, конечно, не прошел бы мимо всех этих легенд. Скорее всего он списал бы их да прибавил бы еще от себя. Было, очевидно, наоборот: авторы евангелий Луки и Матфея, использовали как основу евангелие Марка — они списывали его и прибавляли еще легенды собственного изготовления.

Помогает выяснению вопроса и такое обстоятельство. Церковный историк Евсевий Кесарийский, живший в IV веке, рассказывает в своей «Истории» о некоем сочинении гиерапольского епископа Папия, который жил в середине II века. Само это сочинение до нас не дошло, но Евсевий привел из него несколько отрывков с упоминанием евангелия Марка.

Из этих отрывков можно сделать несколько выводов:

1. При Папии уже существовало евангелие Марка.

2. Это евангелие было совсем не таким, каково оно сейчас. Папий говорит, что Марк в беспорядке записывал то, что ему рассказывал якобы Петр. Стало быть, в том евангелии, которое знал Папий, события были описаны не по порядку, а как придется; в теперешнем же евангелии Марка есть нечто вроде связного рассказа.

3. В то время писаные «священные» книги не пользовались у христиан особым почетом. Папий говорит, что он больше доверяет устным рассказам.

4. Наряду с уже появившимися евангелиями довольно долго еще ходили передаваемые из уст в уста слухи и легенды о вымышленном Иисусе, его жизни и смерти. Авторы многочисленных евангелий имели возможность заимствовать свои рассказы из преданий народной молвы. Они так и делали, еще больше увеличивая путаницу в евангелиях.

А когда было написано евангелие, приписываемое Марку? Примерно между 140 и 150 годами. Церковники, конечно, говорят, что все евангелия были написаны гораздо раньше, якобы вскоре после смерти и воскресения Иисуса, по горячим следам. Это, однако, неверно.

Послания, написанные разными деятелями первоначального христианства до 150 года, нигде не упоминают о евангелиях.

Дошедшее до нас послание Варнавы было написано примерно в 125 году, «Пастырь» Ерма — в 140 году, «Дидахе», или «Учение двенадцати апостолов», — между 130 и 140 годами. И нигде там нет ни цитат из евангелий, ни ссылок на них, ни даже каких бы то ни было намеков на существование евангелий. Первое определенное упоминание о евангелиях имеется в послании Иринея, написанном в 180 году. По-видимому, первое евангелие появилось около 150 года, а мало-мальски широкой известностью стало пользоваться только ко времени Иринея, то есть к концу II века. В то же примерно время были написаны евангелия Матфея и Луки, использовавших материал евангелия Марка.

Четвертое евангелие приписывается церковниками апостолу Иоанну. Это такая же вымышленная личность, как и остальные евангелисты. Кроме того, многочисленные исследования выяснили, что евангелие Иоанна написано не раньше, а скорее всего позже остальных евангелий. Французский ученый Анри Делафос выпустил в 1925 году сочинение под названием «Четвертое евангелие»; он исследовал евангелие Иоанна и установил, что оно впервые было написано каким-то последователем «еретика» Маркиона. Через несколько лет его переработал другой маркионит: тот прибавил XXI главу и часть речи Иисуса на тайной вечере. Наконец в 170—175 годах евангелие это было окончательно обработано кем-то, на этот раз уже не маркионитом, а приверженцем официального христианства. Чтобы придать новому евангелию больше авторитетности в глазах верующих, его приписали Иоанну, бывшему якобы учеником Иисуса.

Трудно установить, сколько раз, кем и когда «богодухновенные» книги выправлялись, дополнялись и перекраивались. Во всяком случае, это повторялось не раз и не два. Греческий философ Цельс, живший в конце II века, отмечал, что христиане «трижды, четырежды и многократно переделывают и перерабатывают записи евангелий». Можно поэтому не удивляться тем противоречиям, которые мы находим в каждой главе и чуть ли не на каждой странице евангелий. Но само собой разумеется, что это еще раз подтверждает их земное, человеческое происхождение, как и происхождение всех остальных книг, считающихся священными. Иного, впрочем, и не может быть, ибо сверхестественного не существует.

—— ■ ——

Как Евангелие учит жить

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ

Может случится, что кто-нибудь из читателей, прочитав предыдущие главы, скажет: «Хорошо, я согласен, что евангелия — плохой исторический источник, что в них много противоречий, что Христа не существовало, что «богодухновенность» евангелий — мнимая; однако хорошо в Евангелии то, что оно учит человека нравственно жить. За это надо признать его высокоценной, полезной книгой».

Как Евангелие учит жить? Это настолько интересный и важный вопрос, что на нем следует остановиться подробнее.

Надо сказать с самого начала, что и здесь евангелия полны противоречий. Французский ученый Альбер Бейе написал в свое время исследование о евангельской морали и назвал его «Евангельские морали». По его мнению, Евангелие проповедует не одну какую-нибудь, а несколько разных, противоречащих друг другу моралей. Единой евангельской морали, писал Бейе, нет.

В одном он прав, в другом — нет. Верно, что в тех местах евангелий, где идет речь о морали, не меньше противоречий,

чем там, где рассказывается о жизни и смерти Христа. И все же в евангельской морали есть одна общая идея, и было бы неправильно это отрицать.

Для нас, трудящихся, самым первым и основным в морали является ее классовый характер. Как данное моральное учение советует трудящимся относиться к их классовым врагам? Как оно учит относиться к эксплуататорскому строю и к государству, охраняющему его? Именно с этой стороны мы и подойдем прежде всего к евангельской морали.

Мы уже знаем, что евангелия появились в рабовладельческом обществе. Поэтому для характеристики морали очень важно прежде всего установить, как относятся евангелия к рабству.

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ МОРАЛЬ И РАБСТВО

Всем известно, что представлял собой рабовладельческий строй. Что может быть омерзительнее такого порядка, при котором человек находится на положении скота? В евангелиях много раз говорится о рабстве. И ни одного слова осуждения этой гнусности! Несколько раз евангельский Христос вспоминает о рабстве, о рабах, но говорит об этом как о чем-то вполне нормальном и естественном.

Больше того, желая внушить своим ученикам, что они должны его слушаться, евангельский Христос сравнивает их с рабами, причем не допускает и мысли о том, что раб может перестать повиноваться. «Кто из вас, — обращается Христос к ученикам, — имея раба пашущего или пасущего, по возвращении его с поля, скажет ему: пойди, скорее садись за стол? Напротив, не скажет ли ему: приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить; а потом ешь и пей сам? Станет ли он благодарить раба сего за то, что он исполнил приказание? Не думаю. Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: «мы — рабы, ничего не стоющие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лука, гл. XVII, ст. 7—10).

Евангелие рисует яркую картину рабовладельческого общества. Раб весь день пахал или пас скот. Хозяин был дома, хо-

дил в гости или принимал гостей, наконец проголодался от безделья. Пришел с поля измученный и голодный раб. Не может быть и речи о том, чтобы он имел право на отдых! Он должен сначала ублажить своего паразита-господина, а потом уж, если останется время, может сам отдохнуть. И странно было бы, говорит евангелие, если бы хозяин стал еще за это благодарить раба. Какие тут благодарности, раб обязан работать без меры! Евангелие здесь не только оправдывает рабство, оно рекомендует рабовладельцам беспощадно обращаться с рабами: что с ними стесняться — раб вынесет все, это его обязанность!

Евангелие настойчиво приказывает рабам стараться изо всех сил на благо своего владельца. В трех евангелиях рассказывается притча о рабах, получивших на сохранение от хозяина деньги и по-разному воспользовавшихся этими деньгами. Вот эта притча по евангелию Луки:

«Некоторый человек высокого рода отправлялся в дальнюю страну, чтобы получить себе царство и возвратиться. Призвав же десять рабов своих, дал им десять мин (мина — около фунта серебра. — **И. К.**) и сказал им: употребляйте их в оборот, пока я возвращусь... И когда возвратился, получив царство, велел призвать к себе рабов тех, которым дал серебро, чтобы узнать, кто что приобрел. Пришел первый и сказал: господин! Мина твоя принесла десять мин. И сказал ему: хорошо, добрый раб; за то, что ты в малом был верен, возьми в управление десять городов. Пришел вторый и сказал: господин! Мина твоя принесла пять мин. Сказал и этому: и ты будь над пятью городами. Пришел третий и сказал: господин! Вот твоя мина, которую я хранил, завернув в платок... Господин сказал ему: «...лукавый раб!.. Для чего же ты не отдал серебра моего в оборот, чтобы я, пришед, получил его с прибылью? И сказал предстоящим: возьмите у него мину и дайте имеющему десять мин... Сказываю вам, что всякому имеющему дано будет, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Лука, гл. XIX, ст. 12—26).

Смысл этой притчи тот, что раб должен не только покорно повиноваться своему владельцу, он должен всячески изворачиваться, чтобы принести господину больше выгоды. Интересы кармана рабовладельцев стоят в Евангелии на первом плане.

И не вздумайте, рабы, не подчиниться господам! Попробуйте только, пугает Евангелие, и вы понесете жестокое нака-

зание: «Раб же тот, который знал волю господина своего и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много» (Лука, гл. XII, ст. 47). Евангелие прямо берет на себя полицейскую задачу — охрану рабовладельческого строя, и предупреждает рабов, чтобы они и не думали о неподчинении владельцам.

Евангелие не скупится на угрозы ненадежным рабам и многозначительно указывает им на кнут рабовладельца: смотрите, попадет вам, если посмеете думать о сопротивлении. Ведь рабовладельческий строй установлен «свыше», от бога!

Однако в основном Евангелие действует другими способами. Главное, чем оно помогает рабовладельцам смирять рабов, — это отвод глаз, уговоры, льстивый, хитрый обман, щедрые посулы и лицемерное утешение.

ЕВАНГЕЛЬСКОЕ УТЕШЕНИЕ

Рабу оставаться рабом необходимо, говорит Евангелие. Он не должен думать о том, чтобы сравняться с господином и уж, конечно, боже упаси, не должен думать о том, чтобы захватить у господина власть! «...Раб не больше господина своего» (Иоанн, гл. XIII, стр. 16). Но дело не только в том, что раб *должен* быть рабом. Евангелие хочет убедить раба, что быть рабом очень хорошо, приятно и даже выгодно... Просто даже расчета нет рабу добиваться освобождения!

Зачем ему бороться сейчас за лучшую жизнь, когда он получит эту лучшую жизнь после смерти, на «том свете»?! Но только в том случае получит, если на «этом свете» он будет покорным бедняком, рабом, угнетенным. Поэтому он ни в коем случае не должен завидовать тем, кто на «этом свете» пользуется всеми благами. Им—богачам, рабовладельцам, эксплуататорам — на «том свете» придется скверно. В царство небесное им никак не попасть — «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царствие небесное» (Марк, гл. X, ст. 25).

Куда же денутся богачи после смерти, если в царство небесное им дорога заказана? На это отвечает знаменитая притча о Лазаре. Выпишем ее почти целиком (Лука, гл. XVI, ст. 19—26).

«Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях. И желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его. Умер нищий, и отнесен был ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его. И в аде, будучи в муках, он, подняв глаза свои, увидел Авраама и Лазаря на лоне его. И, возопив, сказал: отче Аврааме! умилосердись надо мной и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в пламени сем. Но Авраам сказал: чадо, вспомни, что ты получил уже доброе в жизни твоей, а Лазарь — злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь. И сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят».

Да, действительно, бедные, несчастные эксплуататоры! Сколько им еще придется терпеть на «том свете»! Пускай хоть на «этом свете» получат удовольствие, пускай поживут, как им хочется. А мы потрудимся для них...

Проповедники религии хотели, чтобы именно так рассуждал трудящийся, проникшись евангельским духом. Это нужно было рабовладельцам того времени, когда писались евангелия. Но это же выгодно и теперешним эксплуататорам — капиталистам и помещикам, банкирам и колониальным разбойникам.

Много раз Евангелие возвращается к вопросу о бедности и богатстве, о разделении общества на классы. И много раз оно заявляет себя защитником бедных и угнетенных. В «нагорной проповеди» Христос якобы обратился к трудящимся с ласковым отеческим призывом: «Приидите ко мне, все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас» (Матф., гл. XI, ст. 28). Я, сам бог, на вашей стороне! Идите ко мне, я вас успокою и утешу.

Чем же Евангелие успокаивает и утешает «труждающихся и обремененных»? Тем ли, что помогает им сплотиться для борьбы против угнетателей? Нет, конечно, об этом не может быть и речи.

Оно утешает трудящихся тем, что убеждает их не волноваться, когда их грабят. Терпите, говорит Евангелие, так и должно быть, чтобы масса трудилась, а паразиты присваивали

продукт ее труда. Должно быть так, чтобы рабовладельцы, ростовщики и прочие кровопийцы имели прекрасную, легкую, богатую жизнь, а рабы, крестьяне, ремесленники прозябали в нищете и голоде. Должно быть так, потому что все это богом устроено. Стоит ли поэтому волноваться?

Очень хорошо сказано об этом у В. И. Ленина: «...Кто утешает раба, вместо того, чтобы поднимать его на восстание против рабства, тот помогает рабовладельцам» (В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 206).

ПРОПОВЕДЬ НЕПРОТИВЛЕНИЯ И САМОУНИЧИЖЕНИЯ

Работать на угнетателей и терпеть — так учит трудящегося Евангелие. Трудиться, как вол, безропотно и смиренно. Создавать богатства для эксплуататоров, а самому довольствоваться черствым хлебом нищеты и благодарить господина, если он не отнимает и этого. И терпеть до конца. «Претерпевший до конца спасется» (Марк, гл. XIII, ст. 13). До какого же конца? До смерти терпеть велит Евангелие.

Терпеть надо, когда тебя бьют, когда над тобой измываются, когда кровопийцы превращают тебя в вьючную скотину. Все надо терпеть, говорят евангелия: «Не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Матф., гл. V, ст. 39). Пусть тебя бьют — не возражай и не сопротивляйся. Это даже хорошо, что тебя бьют. За это ты получишь вознаграждение на «том свете». Утешайся этим и подставляй эксплуататору те места, по которым ему хочется ударить. Да и не смей к тому же подумать о нем плохо, ты должен его любить, твоего классового врага! «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матф., гл. V, ст. 44).

Почему, спрашивается? Почему я должен безропотно сносить угнетение, почему я должен подставлять спину под хозяйскую плеть, смиренно утираться, когда мне плюют в лицо, когда топчут мое достоинство человека и трудящегося? Кому это нужно? Кому это выгодно и полезно?

Это нужно и выгодно тем, кто эксплуатирует многомиллион-

ные массы. Это дает угнетателям возможность спокойно и безнаказанно заниматься своим подлым делом. И то, что Евангелие помогает им в этом, показывает эксплуататорскую сущность самого евангельского учения.

Проповедь непротивления и терпения сочетается в евангелиях с освещением того общественного строя, который основан на эксплуатации человека человеком. Ведь нигде евангелия не говорят, что несправедлив и дурен сам эксплуататорский порядок! Наоборот, они утверждают, что этот порядок создан самим богом. Как же он может быть плох?

И говорит Евангелие об этом гнусном порядке так, как будто это вполне нормальный, правильный порядок. Раб, который не послушался хозяина, «бит будет много» — мы приводили уже это место. Значит, по Евангелию, ничего плохого нет в том, что раба бьют? На рабовладельца не распространяются евангельские инструкции о том, чтобы подставлять собственные щеки? Нет, это сказано для рабов. А рабовладельцу дается прямой совет: «Раба негодного выбросьте в тьму внешнюю, там будет плач и скрежет зубов». Какая-то двойственная мораль!

Всякий эксплуататорский класс старается навязать трудящимся такую мораль, которая связывала бы их по рукам и ногам. Он внушает им смирение, покорность и кротость («блаженны кроткие»), он убеждает их не противиться насилию, не пытаться вырваться из-под гнета. Но разве сами эксплуататоры следуют правилам этой рабской морали? Нет, для себя у них совсем другие правила, совсем другая мораль — беспощадная, разбойничья мораль хищников!

Конечно, эксплуататорам выгодно непротивление и терпение эксплуатируемых. В царской России и сама церковь очень ловко использовала эту евангельскую проповедь. Смиренными и кроткими, учила она, надо быть перед помещиками и капиталистами, перед царем и его жандармами. «Отдавайте кесарево кесарю, а божие — богу» — это требование Евангелия (Матф., гл. XXII, ст. 21) духовенство со многих тысяч амвонов неустанно напоминало миллионам крепостных, а позже — рабочим и крестьянам, которых сама жизнь вела на борьбу против царизма и помещичье-капиталистического строя.

Какой бы вопрос морали мы ни взяли, мы увидим, что в Евангелии он решен к выгоде эксплуататорских классов.

43—2

Должен ли трудящийся человек верить в свои силы? Должен ли он быть активным, смелым, деятельным? Должен ли он бороться за лучшую жизнь?

У миллионов трудящихся нашей страны, которые совершили под руководством Коммунистической партии величайшую в истории революцию и уничтожили эксплуататорский строй на одной шестой земного шара, ответ на этот вопрос может быть один: упорная борьба за полную победу коммунизма. Вера в свои силы и в силу своего народа, борьба за процветание и счастье народное, борьба с природой за раскрытие ее тайн, за овладение ими в интересах всего общества — вот что нам нужно.

А как говорят об этом евангелия? Вся суть евангельской морали заключена в так называемой «нагорной проповеди». Это — настоящий сгусток рабской идеологии. «Блаженны нищие духом, — говорит Евангелие, — ибо их есть царство небесное» (Матф., гл. V, ст. 3); «нищие духом» — это значит бессильные и трусливые, глупые и беспомощные. «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (там же; «кроткие» — значит покорные, безответные подъяремные волы, привыкшие к ударам бича. Конечно такие трудящиеся нужны эксплуататорам — кроткие, покорные и настолько «нищие духом», чтобы они не могли даже понять настоящей причины своих мучений. Такие трудящиеся нужны им, которые не требуют уважения своего человеческого достоинства, не думают о «возвышении». Евангелие специально предостерегает: «Кто возвышает себя, тот унижен будет» (Матф., гл. XXIII, ст. 12), зато «кто унижает себя, тот возвысится» (там же). Итак, унижайся, раб, перед твоим хозяином, ползай перед ним в грязи, потому что тебя за это после смерти возвысят...

И понятно, почему так определил религию В. И. Ленин: «Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь» (В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 66). Да, именно с помощью таких религиозных учений, как «нагорная проповедь», эксплуататоры стараются заставить трудящихся заглушить свое классовое сознание, свое человеческое достоинство.

С тех пор как развернулась классовая борьба пролетариата за коммунизм, защитники религии все чаще применяют хит-

рый прием — маскировку Евангелия под коммунистическое учение.

Еще сто лет назад французский католический священник Ламенне выступил с теорией о том, что евангельские учения — это социалистическая программа и что если рабочий класс хочет победить, он должен эту программу принять. У Ламенне нашлись последователи. Движение «христианского социализма» распространилось по всей Европе, хотя большой роли в политической жизни и не сыграло.

«Христианские социалисты» выступили тогда, когда рабочий класс Западной Европы поднял знамя борьбы с капитализмом. Духовенство видело, что пролетариат проникается ненавистью к эксплуататорскому строю, что по мере роста своего классового сознания рабочие начинают видеть неправоту религиозных учений. Нужно было придумать что-нибудь такое, что могло бы заставить рабочий класс свернуть с революционного пути. Тогда часть церковников пошла на такой маневр. Лицемерно выступая против крупных банков и богачей, они попытались втереться в доверие к рабочим: вы, рабочие, против капитализма? Евангелие тоже против капитализма; но преодолеть зло можно не в борьбе против капиталистического строя, а только следуя евангельским заветам о любви к ближнему и о классовом мире.

Это вредное для трудящихся религиозное учение о примирении классов проповедуется и теперь.

После Октябрьской революции выступила с проповедью «христианского социализма» часть православного духовенства, назвавшаяся «живой церковью». Ее руководитель и идеолог священник А. Введенский настаивал на том, что евангелия — коммунистические произведения и что Христос был... первым коммунистом. «Марксизм, — писал Введенский, — это Евангелие, напечатанное атеистическим шрифтом». Этим он повторял то, что говорили и писали «христианские социалисты».

Используя выхваченные из евангелий цитаты, Введенский пытался это доказать. Евангелие, говорил он, провозгласило братство всех людей, а раз все люди — братья, значит, не должно быть между ними разделения на богатых и бедных. Следовательно, делал отсюда вывод Введенский, Евангелие — за бесклассовое общество. И Христос, утверждал он, вовсе не был

сторонником непротивления злу. Наоборот, он в храме собственной рукой вздул торговцев и выгнал их оттуда. А если Лев Толстой говорит о Христе, что он был непротивленцем, то он, Толстой, просто клевещет на Христа. Так прямо и заявил Введенский на одном диспуте с А. В. Луначарским: «Нельзя себе представить более чудовищной клеветы на Христа, чем та, которой Христа опозорил Толстой».

Знаменитый русский писатель в свое время резко выступил против той религии, которую проповедовала православная церковь при помощи становых приставов и земских начальников. Он писал: «Та вера, которую исповедует наша иерархия (здесь под словом «иерархия» Толстой понимает церковь. — **И. К.**) и которой она учит народ, есть не только ложь, но и безнравственный обман». Толстой отрицал божественность Иисуса, непорочное зачатие, все чудеса, о которых так много рассказывают евангелия. Он отрицал и «богодухновенность» евангелий. Вместе с тем он находил в евангелиях самое, по его мнению, важное — правила хорошей нравственной жизни: «не сердись, не блуди, не присягай, не судись, не воюй». А главное, что Толстой считал основой основ Евангелия и нравственного поведения людей, — это непротивление злу насилием. «Не защищайтесь от злых людей, — писал он. — Не защищайтесь совсем. Ударил тебя в одну скулу, подставь другую». Не защищайся даже от напавшей на тебя бешеной собаки и не защищай от нее своих близких. «Ведь в Евангелии прямо сказано: «не противься злу, значит, не противься и бешеной собаке».

Такое истолкование евангельского учения Введенский считал неправильным. Но опровергнуть его по существу он не мог, ибо в евангелиях действительно проповедуется непротивление. Там есть, правда, и другое — есть, например, проклятия и угрозы инакомыслящим. Мы уже показывали образцы противоречивости евангельской морали; обычно же евангельская мораль связывается именно с призывами к непротивлению и самоунижению. Причина здесь та, что идеи мщения и кровавого воздаяния («око за око, зуб за зуб») были уже раньше ярко выражены в Ветхом завете, а идея всеобщего прощения и непротивления злу была сформулирована в христианской религиозной литературе впервые именно в евангелиях. Поэтому Введенский совершенно неправильно говорил, будто

бы евангелия не проповедуют непротивления. Содержание евангельской проповеди решительно опровергает все рассуждения о совпадении христианской идеологии с коммунизмом.

То братство, которое провозглашается в евангелиях, имеет целью не уничтожение классов, а сохранение, увековечение классового разделения общества. Евангелие проповедует братство между богатым и бедным, между эксплуататором и эксплуатируемым, но при том условии, что один так и останется нищим и угнетенным, а другой сохранит свое эксплуататорское положение. Бедный Лазарь, по Евангелию, «брат» того богача, на пороге которого он валялся. Но Лазарю нисколько не легче от того, что Евангелие награждает его званием «брата»: он остается таким же нищим, таким же больным и голодным, каким был. И богач, конечно, не будет возражать против того, что Лазарь назовет его «братом». Наоборот, ему, богачу, выгодно, чтобы бедняки к нему относились как к «брату» и не пытались отнять у него доходы и власть. Такое «братство» эксплуататоры всех видов всегда приветствовали как наилучшее средство укрепления своего господства. Что же это — социализм? Конечно, нет. Это — идеология, резко враждебная социализму.

Те несколько фраз против богатых, которые обронены в евангелиях, ни в коем случае не направлены против эксплуататорского строя. Сторонники «христианского социализма» всячески стараются замять то, что цель евангельского учения — примирить угнетенных с угнетателями и обязательно сохранить угнетение, сохранить господствующее положение угнетателей.

Еще более ста лет назад, когда один немецкий реакционный писатель стал уверять, что социальные, то есть общественные, принципы христианства благоприятны для трудящихся, Карл Маркс дал резкую критику этих принципов, базирующихся на евангелиях. Он писал:

«Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, подчинение, смирение, словом — все качества черни, но для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались, как с отребьем человечества, для пролетариата смелость, самосознание, чувство гордости и независимости — важнее хлеба.

На социальных принципах христианства лежит печать про-

ныряливости и ханжества, пролетариат же — революционен» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 173—174).

Проповедь самоуничижения, подчинения и смирения, составляющая самую суть евангельской идеологии, не подходит революционному пролетариату. Да и ни один по-настоящему передовой человек не может руководствоваться этой проповедью ни в личной, ни в общественной жизни. Не гасить в людях человеческое достоинство, а поднимать его — к этому зовет марксизм-ленинизм; евангельская же проповедь самоунижения и непротивления злу не имеет ничего общего не только с идеологией революционного пролетариата, но и со взглядами и поведением любого уважающего себя человека.

—— ■ ——

ЕВАНГЕЛИЯ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОЧЕМУ РЕЛИГИЯ ЕВАНГЕЛИИ СТАЛА ГОСПОДСТВУЮЩЕЙ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Когда христианская религия только появилась, у нее было много конкурентов. Много разных религий появилось в Римской империи в те времена, которые Энгельс охарактеризовал как период «всеобщего экономического, политического, умственного и морального разложения». Особенно трудную борьбу пришлось христианству выдержать с более древней религией Митры, сложившейся в Персии, но затем распространившейся по многим областям Римской империи. И все-таки уже в IV веке христианство стало господствующей, государственной религией. Евангельские учения, на которых основано христианство, сделались большой силой. Как же и почему религия евангелий стала господствующей в Римской империи? Как случилось, что народные массы предпочли ее всем другим религиям? Что хорошего нашли они в евангельском учении?

Дело в том, что христианство тогда оказалось приемлемым для разных слоев населения.

Рабы, разоренные крестьяне и ремесленники, весь голодный и обездоленный люд искал и находил в евангелиях утешение. Ф. Энгельс писал, что тогда во всех классах обще-

ства были люди, которые успели отчаяться в освобождении от гнета и взамен искали духовного освобождения, но «среди этих людей, страстно стремившихся к этому идеальному утешению, к этому бегству от внешнего мира в мир внутренний, большинство должны были представлять — рабы» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 608).

Угнетенные потеряли надежду на улучшение своего положения, на то, что им удастся свалить угнетателей; христианство же давало им призрачную надежду на то, что они победят, хотя и не в «этом» мире, а в будущем. «Христианство заставило зазвучать струну, которая должна была найти отклик в бесчисленных сердцах» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 609). Оно говорило, что явился спаситель, который все уладит, все исправит и спасет всех людей. Не нужно ни о чем заботиться, не нужно и пытаться менять что-либо в общественных порядках — все обстоит очень хорошо: вот скоро явится спаситель во второй раз, тогда он все наладит по-настоящему. Он устроит доселе невиданный праведный «страшный суд» и ввергнет в геенну огненную всех угнетателей. Не нужно бороться, не нужно протестовать против гнусностей рабовладельческого порядка, надо только ждать. И ждать ведь остается недолго; в Евангелии ясно сказано: «Не прейдет род сей, как все сие будет» (Матф., гл. XXIV, ст. 34). Значит, не позже чем через одно поколение должно наступить второе пришествие. В ожидании его надо только веровать, молиться и, главное, терпеть...

Эта идеология оказалась очень подходящей для угнетенных масс того времени, когда они терпели поражение за поражением в классовой борьбе и потеряли надежду своими руками завоевать лучшую жизнь.

Среди имущих классов Римской империи ко времени возникновения христианства были также распространены настроения, которые способствовали успеху христианской проповеди. Кризис, охвативший римское рабовладельческое общество первых веков нашей эры, создал в этом отношении весьма благоприятную обстановку.

Рабство стало помехой дальнейшему развитию хозяйства. До поры до времени производство развивалось за счет увеличения количества рабов, которых захватывали во время многочисленных войн. Но потом наступил период, когда рабский

труд проник во все области хозяйства и дальнейшее развитие производства могло происходить только за счет применения новых технических средств. Но при господстве рабского труда техника не могла развиваться: будучи совершенно незаинтересованными в успешном ходе производства, рабы только портили все мало-мальски сложные приспособления и инструменты. Это было экономической основой того безвыходного кризиса, который со все большей силой охватывал римское рабовладельческое хозяйство.

Постоянно волновавшиеся, чрезвычайно беспокойные массы рабов составляли большой процент населения римских городов и сел. Помимо них, огромные количества неимущих свободных — разорившихся бывших крестьян и ремесленников, также являлись ненадежным для господствовавших классов элементом. В завоеванных Римом странах не прекращалось брожение, не утихали восстания порабощенных народов. Наконец, Римской империи первых веков нашей эры приходилось выдерживать постоянный натиск варваров-германцев, в огромном количестве поселившихся на северной границе государства и использовавших каждый удобный момент для нападений. В такой обстановке идеология римских рабовладельцев оказалась восприимчива к христианскому вероучению.

Это была весьма противоречивая идеология. В ней, с одной стороны, все больше разрастались стремления к тому, чтобы, не заглядывая в будущее, прожигать жизнь во всевозможных удовольствиях. Роскошные пиры, бессмысленная трата огромных средств на всякие диковинные развлечения, выдумывание все новых, все более острых способов разжигания и удовлетворения притупившихся страстей — яркими картинами такого рода заполнены произведения римских писателей этого периода. Но с такими нравами уживались и настроения беспросветного мрачного уныния, вытекавшие из сознания безысходности кризиса, которым был охвачен существующий порядок. Самоубийства в среде римской аристократии приняли одно время характер эпидемии.

В этой обстановке росла религиозность людей. Не только угнетенные, но и угнетатели предавались всевозможным суевериям, не удовлетворяясь старой римской религией, но выискивая все новые и новые верования, заимствуя их из разных стран, в том числе из покоренных стран Востока. Среди хозяев

мировой империи завоевывали популярность боги порабощенных ими народов. Египетская Изида, весь сонм греческих богов, персидский Митра, сирийские и малоазиатские боги Адонис и Кибела — все они находили себе почитателей среди римских рабовладельцев, многим из них строили храмы, приносили жертвы. В Риме издавна было в обычае терпимое отношение к различным верованиям, никто никого не преследовал за веру, если она не нарушала общественного порядка. Господствовала поэтому полная пестрота в религиозных верованиях, тем более, что часто одни и те же люди одновременно поклонялись и служили богам различных религий. Но чем дальше, тем все ясней сознавали господствующие классы, что Римская империя нуждается в единой религии, которая могла бы служить для этой империи своего рода скрепляющим цементом.

Мировая империя раздиралась внутренними противоречиями. Одним из средств, которые удержали бы ее от распада, могла быть единая религия, общая для всего разноплеменного и разношерстного государства. Ни одна из ранее существовавших религий не была пригодна для этой роли. Христианство обнаружило такие особенности, которые сделали его подходящим в качестве государственной религии Римской империи.

В документах христианской религии настоятельно подчеркивалось, что «нет ни эллина, ни иудея», что все народы равны перед богом, все в одинаковой мере отвечают за первородный грех Адама и Евы, все спасены Иисусом Христом. Таким образом, эта религия обращалась уже не к отдельным народам или племенам, а ко всему миру, ко всем людям. Это делало возможным ее использование в качестве религии, общей всем народам Римской империи.

В большинстве религий того времени верующий должен был исполнять огромное количество всевозможных обрядов, среди которых важнейшую роль играли жертвоприношения, нередко человеческие. Люди, привыкшие к обрядам одной религии, с трудом соглашались переходить в другую религию, требовавшую исполнения большого количества новых, непривычных, «чужих» обрядов. Христианство и в этом отношении было удобней других религий. Оно требовало исполнения очень небольшого количества обрядов, притом легких и необременительных. Например, вместо сложных и нередко дорого стоивших жерт-

воприношений христианство ввело обряд причащения — простой и не связанный ни с какими затратами. Простота культа новой религии по сравнению с культами предшествовавших ей античных и восточных религий помогала проникать в массы.

Особое значение христианство имело в глазах рабовладельцев Римской империи потому, что могло оказать им и в действительности оказало большую помощь в «усмирении» всех непокорных элементов. При помощи евангельских учений о непротивлении злу насилием, при помощи проповеди пассивного ожидания второго пришествия мессии Христа можно было заставить всех «труждающихся и обремененных» безропотно терпеть свое ужасное положение. Проповедью братства и непротивления злу можно было скрутить раба по рукам и ногам.

Восстания рабов и вообще угнетенных подавлялись не только силой оружия.

У Римской империи было много завоеванных земель. Народы, населявшие эти земли, нелегко мирились с римским владычеством. Они восставали против завоевателей, и Риму стоило немалых трудов подавлять эти восстания. Проповедуя же евангельские учения, можно было навязать всем завоеванным народам общую религию, которая учила не противиться завоевателям, а покорно выносить их гнет.

Христианство легко распространялось среди различных народностей, покоренных Римской империей. Вместе с утратой национальной независимости в завоеванных Римом странах падала вера в старых национальных богов-спасителей. Христианство было религией новой, вначале не связанной ни с какими стеснительными обрядами. Оно обращало свою проповедь «и к эллину, и к иудею» — ко всем народам, не делая между ними никаких различий. Поэтому из всех религий именно христианство оказалось наиболее пригодной для того, чтобы укреплять и освящать власть эксплуататоров в сложных условиях Римской империи.

РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ ПРИНЯЛИ ЕВАНГЕЛЬСКИЕ УЧЕНИЯ

Христианство стало проникать и в богатые, привилегированные классы. Руководящая верхушка христианских общин быстро богатела. Возникла целая организация — церковь; она

постепенно завоевывала влияние, власть и богатство. За два столетия христианство превратилось из религии угнетенных и бессильных бедняков в господствующую религию, в которой тон задавали уже не бедняки, а рабовладельцы, превратилось в официальную опору классового государства эксплуататоров-рабовладельцев. В дальнейшем оно стало идеологической опорой крепостников и капиталистов.

Уже в начале IV века римский император Константин выделил христианство среди остальных религий и постепенно всякими поблажками поставил его в привилегированное положение. Сам он христианином не был, но взял христианство полностью под свое покровительство и даже руководство. Константин, например, руководил Никейским церковным собором, и именно под диктовку этого императора был утвержден «символ веры». Сын Константина Констанций прямо запретил под страхом смерти публичное выполнение обрядов других, «языческих», религий.

Могут спросить, но как же — ведь в евангелии есть много мест, направленных прямо против богатых, ведь там богатым предлагается раздать свое имущество нищим! Как же богатые могли одобрить такое учение? А может быть, они и в самом деле роздали нищим свое имущество?

Ничуть не бывало! И притча о Лазаре не испугала утопавших в роскоши рабовладельцев, и советы Евангелия раздать имущество нищим не произвели на богатых особого впечатления. Они поняли Евангелие так, как здесь уже было сказано: всякие красивые слова о том, что «горе богачам», говорятся лишь для утешения бедняков, для угашения их революционного духа. А вот то, что Евангелие же призывает бедняков ползать на коленях перед теми, кто их угнетает, — это было эксплуататорам очень ясно и вполне приемлемо.

К тому же богачи всегда имеют возможность купить себе «царство небесное», одаряя духовенство, жертвуя на храмы божьи, нанимая себе заступников и молитвенников, бросая жалкие подачки нищим. «...Тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие» (В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 65—66).

Впрочем, примеры лицемерия, нисколько не уступающего

христианскому, мы можем найти и в других религиозных и философских учениях того времени. Взять хотя бы римского философа Сенеку. Сенека не был христианином, но философия, которую он проповедовал, во многом была сходна с евангельскими учениями, появившимися позже. О Сенеке говорит Энгельс: «...проповедуя бедность евангельского Лазаря, сам-то он в действительности был богачом из той же притчи» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 607). У него были несметные богатства в виде имений, дворцов, рабов и т. д., он вел роскошную, паразитическую жизнь. И в то же время он восхвалял в своих сочинениях воздержание, бедность. Имея перед глазами такие яркие примеры ханжества и двурушничества, богачи могли принять евангельские учения без особой опаски.

Евангелие проповедовало прощение обид, непротивление, любовь к ближнему. Можно подумать поэтому, что распространение евангельских учений привело к смягчению нравов, прекращению войн. На деле было совсем не то. Распространение христианства ничего не изменило к лучшему. Среди императоров-христиан были еще более жестокие люди, чем среди язычников. Взять хотя бы императора Феодосия. Этот христианин велел вырезать в городе Фессалонике пятнадцать тысяч человек за то, что там был убит губернатор. «Ни один языческий император никогда ничего подобного не сделал; такого огромного количества христиан не мог бы казнить и Нерон», — говорит об этом современный английский историк Д. Робертсон.

Оказывается, евангельские учения уже и тогда не мешали истреблять людей десятками тысяч. Возлюби ближнего и убивай его, если это нужно тебе! Не противься злу, прощай обиды, будь милосерд, не осуждай других — все эти евангельские советы Феодосий, конечно, знал и повторял другим, надо думать, неоднократно. И эти поучения нисколько не мешали ему совершать неслыханные злодеяния.

Патриарх Кирилл приказал убить ученую гречанку Ипатию. Толпа христианских монахов растерзала ее на улице египетского города Александрии.

Император Валентиниан, тоже христианин, приказал в своем присутствии отдать провинившихся перед ним людей на растерзание медведям. И это было выполнено.

Все это делали люди, которые были христианами, одобряли евангельские призывы к всепрощению, непротивлению и любви

к ближнему. Одобряли, потому что эти учения сослужили им большую службу.

Угнетенные Римской империи прониклись рабьими евангельскими учениями непротивления и смирения; это ослабило революционный дух масс, парализовало волю к борьбе, эксплуататорам же помогло удерживать их позиции.

Такое же вредное действие оказали евангельские учения и во всей дальнейшей истории человечества. Мы не будем в этой небольшой книжке подробно рассматривать такой обширный вопрос. Сделаем только некоторые замечания.

ПАПА—НАМЕСТНИК ЕВАНГЕЛЬСКОГО ПЕТРА

Во главе римско-католической церкви стоит так называемый римский папа. Он глава самостоятельного государства — Ватикана. Живет он в роскошном дворце среди массы придворных монахов — министров, чиновников, служителей всевозможных рангов и специальностей, его охраняет вооруженная стража. Он командует деятельностью сотен тысяч католических священников, подвергающих повседневной идеологической обработке сотни миллионов верующих во всем мире. Из Ватикана он сносится с правительствами всех капиталистических стран, оттуда же рассылает своих агентов в те страны, где считает нужным вмешаться в ход событий. А вмешивается папа (во всяком случае, пытается вмешиваться) во всю международную политическую и экономическую жизнь!

Богатства католической церкви огромны. Они вложены во всевозможные капиталистические предприятия; Ватикан владеет не только массой земель и сельскохозяйственных предприятий — у него в руках акции всевозможных фабрик и заводов, железных дорог, нефтяных и других компаний, банков. Не будет преувеличением, если сказать, что папа — один из крупнейших в мире капиталистов. И любопытно, что само существование его громадной фирмы, промышленной, торговой, финансовой, — этого мощного аппарата политического и идеологического угнетения — объясняется и оправдывается при помощи евангелий.

В евангелиях говорится, что Иисус будто бы сказал апостолу Петру: «Ты — Петр (по-гречески «камень». — **И. К.**),

Карикатура начала XVI века, изображающая разгульную жизнь римского папы и его приближенных (Папа — Лев X). Два скрепленных ключа, нарисованных на занавеси — эмблема власти пап, которые, основываясь на Евангелии, объявили себя распорядителями царства небесного, обладателями ключей от рая Надпись наверху содержит ссылку на гл. XVI евангелия от Луки, где рассказана притча о богатом и Лазаре. Папа изображен в виде нечестивого богача, а Лютер (в правом углу на переднем плане) — в виде бедняка Лазаря. Так использовалось Евангелие во внутрицерковной борьбе.

и на этом камне я построю церковь свою». Уже впоследствии была сочинена легенда о том, что Петр был первым христианским священником в Риме и что главные римские священники — это прямые преемники Петра; стало быть, римские папы — не кто иные, как прямые наместники Христа на земле, его уполномоченные. Католическая церковь именует поэтому Ватикан «престолом святого Петра» и требует воздавать папам почти божеские почести, например во время торжественных приемов у папы целовать его туфлю. А полный титул папы таков. «Ви-

карий (по-гречески «заместитель». — **И. К.**) Иисуса Христа, преемник князя апостолов, верховный священник вселенской церкви, восточный патриарх, примас Италии, архиепископ и митрополит Римской провинции, монарх государства Ватикан». Не правда ли, уж в самом этом пышном титуловании чувствуются евангельская скромность и «нищета духа»?!

Итак, в евангелиях проповедуются смирение, самоуничижение и бедность. На евангелиях же основывается неслыханная гордыня, как и крайнее презрение к людям: чего стоит один только обряд целования папской ноги! На евангелиях же основывается и требование установить папскую власть над всеми народами и государствами. На проповеди Евангелия, учившего не собирать себе сокровищ на земле, папы нажили неисчислимые богатства. На евангельской проповеди основана вообще вся многовековая деятельность католической церкви, стоившая рек крови миллионам людей.

В средние века католическая церковь была крупнейшим крепостником-феодалом. Она владела одной третью всех обрабатывавшихся в Европе земель. Миллионы крепостных крестьян работали на ее землях, содержали и обогащали огромную массу монахов и другого духовенства. Церковь сослужила важнейшую службу господствующему классу — крепостникам, тем, что евангельской проповедью держала в смирении многомиллионные массы крестьян, задавленных непосильным трудом и голодом. Церковь душила просвещение, не давала развиваться науке. Она сжигала на кострах ученых, которые пытались заниматься изучением природы и двигать вперед науку.

В XI—XIII веках под руководством католической церкви произошло восемь кровопролитнейших, ужаснейших войн — «крестовых походов». Из-за чего люди воевали?

В XI веке Палестину завоевали сельджуки, по религиозной принадлежности — мусульмане. Вместе со всей Палестиной в их руки попал и Иерусалим, где, как говорится в евангелиях, был похоронен Иисус Христос. На том месте, где он был якобы похоронен, впоследствии построили часовню. И вот эта «святыня» попала в руки мусульман, «врагов христианства»!

С конца XI века началась агитация католической церкви за то, чтобы отвоевать у мусульман Палестину с «гробом господним». Под руководством духовенства организовались громадные армии так называемых крестоносцев и отправились в да-

лекое путешествие за тридевять земель воевать с «неверными». По дороге крестоносцы бесчинствовали самым диким образом: грабили и сжигали города, истребляли их население, уничтожали книги и памятники культуры. Правда, им и самим приходилось нелегко. Около двух лет продолжалось обычно путешествие до Палестины, и за это время десятки тысяч крестоносцев погибали от болезней и в драках между собой. Только раз удалось им захватить Иерусалим и удержать его в течение значительного времени. А в большинстве случаев они даже не добирались до Палестины и больше занимались грабежом христианских стран, чем войной с мусульманами. Церковные летописцы, впрочем, похвалялись в своих писаниях тем, что крестоносцы топили «неверных» в их собственной крови. Такое богоугодное христианское дело совершалось под названием «крестовых походов».

Наивно было бы думать, что причиной крестовых походов послужило желание церкви освободить «гроб господень».

Главной причиной крестовых походов было то, что богатые купцы стремились проложить себе новые пути для торговли с Востоком, а феодалы (помещики-воины) искали возможности ограбить и захватить новые земли, все новые массы крепостных. Церковь же, давая возможность эксплуататорскому классу добиваться его целей, имела и свои интересы: она хотела поднять свое влияние и увеличить свою мощь. Этого она добивалась тем, что приводила в движение огромные массы людей и руководила ими. Кроме того, она хотела распространить свое влияние на новые страны, которые будут завоеваны крестоносцами. От этого увеличилось бы стадо «христовых овец», которых духовенство стригло в свою пользу. Церковь получила огромные богатства также от того, что крестоносцы уходившие в поход, передавали ей «до возвращения» свои земли. А так как обычно из походов возвращались немногие (большая часть гибла), то все эти земельные богатства доставались церкви. К тому же крестовые походы давали возможность приглушить классовую ненависть крепостных крестьян к феодалам, так как и те и другие, став крестоносцами, устремлялись искать общего врага. В этом была особая ценность крестовых походов для светских и духовных эксплуататоров. И все освящалось Евангелием: в Иерусалиме-де казнен был бог Иисус, там его похоронили, и надо эту могилу отвое-

43—2

Снимок с мозаики IX века из триклиния (трапезной, столовой) папы Льва III. На мозаике изображено, как апостол Петр передает императору Карлу Великому знамя — символ светской власти, и сто́лу (предмет папского облачения) — папе Льву III, как символ духовной власти над всем миром.

вать. Под таким прикрытием посылались на смерть за интересы эксплуататоров миллионы людей.

Резня во имя Евангелия продолжалась под руководством пап — «преемников Петра» — на всем протяжении средних веков.

В XII веке на юге Франции (в городе Альби) появилась секта христиан, по-своему толковавших Библию и не желавших подчиняться папе. Главное здесь было, конечно, не в религиозных разногласиях: под оболочкой религии велась классовая борьба. Церковное землевладение и вообще засилье духовенства стояло поперек горла богатейшим ремесленникам и торговцам этой области. Но еще тяжелее гнет католической церкви давил на крестьянские массы и мелких ремесленников, толкая их на путь восстания. Альбигойцы (так именовали «еретиков» по названию города Альби) требовали уничтожить церковное землевладение и возвратиться к «евангельским» временам, когда церковь не имела светской власти, а священники, нищенствуя, проповедовали Евангелие. Конечно, эти требования никак не могли нравиться алчной католической церкви, и она взялась за искоренение альбигойской «ереси».

В 1209 году папа Иннокентий III начал карательную экспедицию против альбигойцев. Огромная армия, собранная им, устремилась в крестовый поход. Целых двадцать лет продолжалось искоренение «ереси». За это время прекрасная, цветущая область была превращена в развалины, в пепелище. Погибли многие тысячи людей. Жестокость карателей не поддается описанию. Когда, например, папский легат (посол) Арнольд взял большой город Безье, он приказал истребить там всех до единого жителей. У него спросили, убивать ли и детей, а также тех, кто не придерживается «ереси». Он ответил: «Убивайте всех до единого! На том свете бог разберет, кто из них был еретиком, а кто не был».

Все это делалось под предлогом защиты евангельского учения, которое взывает к милосердию, требует покорности и смирения, велит подставлять щеки под удары всех, кому захочется тебя бить!

Трудно перечислить все преступления, которые совершались церковниками во имя Евангелия. Вспомним инквизицию, которая замучила пытками и сожгла на кострах десятки тысяч человек. Один только инквизитор Торквемада за восемнадцать

Средневековая миниатюра, изображающая общественный идеал католической церкви: крестьяне трудятся в пользу монастырей и светских феодалов.

лет сжег живьем 10 220 человек. А сколько несчастных было в виде особой «милости» сначала удавлено и уже сожжено потом! Сколько людей погибло после чудовищных, нечеловеческих пыток, которым подвергала людей священная инквизиция!

Это судилище было организовано в XIII веке католической церковью для борьбы со всеми, кто хоть в малейшей степени отступал от ее учения, для борьбы с развитием науки и с революционными движениями. Заподозренного в «ереси» арестовывали и бросали в тюрьму. Там его заставляли признаваться во всех преступлениях, которые инквизиции было угодно возвести на него. Если обвиняемый не признавался, его пытали; а если и признавался, то все-таки пытали, чтобы заставить возвести на себя новые обвинения.

Живого человека жгли каленым железом; поднимали на дыбе так, что руки выворачивались из суставов; клещами вырывали куски мяса; вливали в рот воду целыми ведрами, что нередко приводило к мучительной смерти; сжимали руки и ноги особыми колодками до того, что дробились кости; загоняли иглы под ногти. Бывший в конце XVIII века секретарем мадридской инквизиции Хуан Антонио Льоренте так писал об этом: «Мое перо отказывается нарисовать картину этих ужасов, ибо я не знаю ничего более позорного, чем это поведение инквизиторов, оно ведь так противоречит духу любви и сострадания, которые Иисус Христос так часто рекомендует людям в Евангелии».

Если полумертвый от пыток обвиняемый сознавался во всем, чего хотели инквизиторы, — лишь бы скорей избавиться от мучений, хотя бы ценой жизни, — его как раскаявшегося грешника в знак особой милости сначала душили, а сжигали уже мертвым. Если же обвиняемый не сознавался, его сжигали живым как нераскаявшегося еретика. Иногда, как это было с философом Ванини в 1619 году, у осужденного сначала вырывали язык, при нем же его язык сжигали на костре, а затем убивали и его самого.

Благочестивые истязатели старались делать казнь человека возможно более мучительной и жестокой. Вот что, например, рассказывал тот же Льоренте: «На одной из площадей города Севильи был построен каменный эшафот, который сохранился до наших дней под именем Кемадеро и на котором воздвига-

Один из многочисленных образцов использования Евангелия для освещения власти эксплуататоров. Миниатюра на заглавном листе сборника евангельских чтений X века. На ней изображен сидящий на троне император Оттон III в окружении владетельных князей, знати и духовенства, Иисус Христос благословляет Оттона III. По бокам Оттона — символы четырех евангелистов: ангел (Матфей), лев (Марк), бык (Лука) и орел (Иоанн).

Знамя португальской инквизиции. Надпись гласит. «Милосердие и правосудие». Милосердие инквизиции заключалось, видимо, в том, что раскаявшихся «еретиков» перед сожжением душили...

лись четыре большие каменные статуи четырех пророков. Новохристиане, отступившие от веры и закоренелые в своем отступничестве, замуровывались в этих изображениях заживо и там погибали, поджариваясь от пламени общего костра, постепенно нагревавшего каменные изваяния пророков».

Льоренте добавляет к этому: «Кто из людей осмелится объявить, что это наказание, наложенное за простое заблуждение разума, соответствовало духу Евангелия?».

Не только Льоренте задавал этот вопрос. В своем предисловии к книге историка инквизиции Чарльза Ли советский ученый Лозинский писал: «Когда подумаешь, что инквизиция развилась в лоне церкви, основанной на Евангелии, то довольно трудно объяснить ее». На первый взгляд действительно может показаться, что католическая церковь, учредив инквизицию, отошла от Евангелия и от христианства вообще. На самом деле это не так. Инквизиция со всеми ее отвратительными жесто-

костями и «кротчайшее» Евангелие не противоречат, а лишь дополняют друг друга.

Во-первых, Евангелие, как мы уже видели, учит любви к **эксплуататорам** и покорности **им.** Что же касается рабов и вообще угнетенных, то в евангелиях проповедуется не только любовь к ним, но, в зависимости от обстоятельств, также необходимость жестокого их подавления. Непокорный раб, говорится, например, в Евангелии, «бит будет много». Грешники, то есть люди, не повинующиеся правилам эксплуататорской морали и сопротивляющиеся церкви, будут «ввергнуты в тьму внешнюю», где «плач и скрежет зубов». Инквизиция поступала вполне в духе Евангелия, когда подвергала пыткам и казням за малейшее возражение против евангельских учений, за малейший протест против гнета феодалов и церкви.

Во-вторых, инквизиторы со свойственным им лицемерием утверждали, что, преследуя и казня еретиков, они в духе евангельской любви к ближнему творят дело высшего милосердия.

Они, видите ли, спасают человека, избавляют его душу от вечных адских мучений тем, что сжигают его тело. И при этом они даже не проливают крови, так как при сожжении человека тело его обугливается и превращается в пепел, а кровь не льется...

Какое чудовищное лицемерие!

В самом Евангелии содержатся недвусмысленные указания о том, как надо расправляться с уклоняющимися от следования евангельским учениям. Вспомним геенну огненную и вечные муки, которыми грозит Евангелие грешникам после «страшного суда».

Разве это не то же евангельское «милосердие», которое проповедуют инквизиторы? Делая свою страшную работу, они имели полную возможность ссылаться, например, на такое место Евангелия: «Кто не пребудет во мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет, а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают» (Иоанн, гл. XI, ст. 6). Инструкция ясная. Во исполнение этой евангельской инструкции инквизиция сожгла живыми почти 32 тысячи человек, а всего подвергла разным наказаниям более 340 тысяч. Среди них были лучшие люди тех времен — ученые, мыслители, врачи, революционеры! И погибли они во имя Евангелия...

Навсегда останется в памяти человечества та гнусная бойня, которая была произведена по наущению католической церкви 24 августа 1572 года в Париже. Она вошла в историю под названием Варфоломеевской ночи.

Для защиты католичества в одном только Париже было убито около двух тысяч «еретиков» — протестантов (их звали тогда во Франции гугенотами).

Это «христианское дело» проводилось под руководством французского короля Карла IX и его матери Екатерины Медичи. Требовалось нанести удар враждебной политической партии, которая держалась протестантского вероучения. Это было одно из проявлений обостренной классовой борьбы, которая, как часто тогда бывало, облекалась в форму борьбы религиозной. Истребление гугенотов имело организованный характер. 24 августа (накануне праздника святого Варфоломея) кровавая резня началась в Париже, а на следующий день, по приказу короля, — во всей Франции. За две недели было вырезано еще 10 000 человек.

Убийцы действовали во имя Евангелия, в защиту Евангелия, во исполнение евангельских заветов! Папа римский пришел в восторг от этой «любви к ближнему» и этого «милосердия». Он распорядился зажечь иллюминацию и выбить медаль в честь убийц. Папа отправил специального посла к главным убийцам — французскому «христианнейшему королю» и его матери — с горячим поздравлением по случаю совершения ими кровавых преступлений.

КАК ПРИМЕНЯЛИ ЕВАНГЕЛЬСКОЕ УЧЕНИЕ ДРУГИЕ ХРИСТИАНСКИЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Во имя Евангелия католики резали протестантов. А как вели себя протестанты? Ведь одним из лозунгов протестантизма был именно возврат к «настоящему» христианству, «не испорченному» католической церковью. Посмотрим, как протестанты выполняли евангельские заветы любви к ближнему, смирения, непротивления и милосердия.

К началу XVI века Германия была охвачена острой классовой борьбой. В этой борьбе участвовало три лагеря: 1) лагерь реакции, выступавший под флагом католицизма; 2) лагерь

Инквизиция стремилась наводить ужас на народные массы и этим обеспечить их полную покорность церкви и господствующим классам. Массовые расправы с «еретиками» — сожжение их на костре — производились публично и обставлялись пышным церемониалом. Осужденные должны были участвовать в торжественном шествии, которое изображено здесь на снимке с гравюры XVII века. В первом ряду идет духовенство — проповедники евангельской любви к ближнему, во втором ряду — их жертвы, осужденные на сожжение, в третьем ряду несут изображения тех «еретиков», которые не выдержали «любовного» обращения с ними и умерли под пытками в застенках инквизиции.

После поражения революционного лагеря в знаменитой крестьянской войне 1525 года немецкие князья-протестанты в полном согласии с основателем «евангелической» церкви Лютером учинили кровавую расправу над побежденными крестьянами.
На рисунке — гравюра того времени, изображающая казнь повстанца.

буржуазии, идеологию которой выразило лютеранское религиозное учение; 3) революционный лагерь, во главе которого стоял Томас Мюнцер. В период между 1517 и 1525 годами в Германии разгорелась гражданская война. Очень интересно проследить, как вел себя в этой войне вождь протестантизма Мартин Лютер.

В начале движения крестьяне и трудящиеся горожане выступали вместе с князьями и буржуазией против папства. В это время буржуазный лагерь был заинтересован в том, чтобы разжечь массы и их руками отнять у католической церкви ее права и богатства.

Лютер тогда выступал как яростный защитник насилия в борьбе. Он писал: «Если мы наказываем воров мечом, убийц виселицей, а еретиков огнем, то почему бы нам не напасть на этих вредных учителей гибели, на пап, кардиналов, епископов и всю остальную свору римского Содома со всевозможным оружием и не омыть наших рук в их крови?» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 132—133). Заметим: Лютер призывал «омыть руки в кро-

В 1572 году католические церковники организовали в Париже и во всей Франции кровавую расправу с протестантами — «гугенотами». Начало было положено в «Варфоломеевскую ночь» — под праздник св. Варфоломея. В одном только Париже было убито несколько тысяч человек.

На гравюре того времени изображена эта кровавая расправа одних «братьев во Христе» с другими.

ви» врагов его класса, он совсем «забыл» о непротивлении и любви к ближнему, он жаждал крови!

Угнетенные и в самом деле решились круто разделаться со своими вековечными угнетателями, причем действовали тут не призывы Лютера, а интересы классовой борьбы. Бурное движение всколыхнуло всю Германию. Трудящиеся взялись за оружие и выступили на бой. И они вовсе не собирались (на что надеялся Лютер) загребать своими руками жар для князей и дворян.

Революционная ярость пробудившегося народа грозила смести не только очаги папства, но и замки владетельных князей и осиные гнезда баронов. Тут-то Лютер вспомнил евангельские учения. Тон его писаний решительно изменился. «Я не хотел бы, — писал он, ставши вдруг кротким и милосердным, — чтобы евангелие проповедывалось насилием и пролитием крови. Слово победило мир, благодаря Слову сохранилась церковь. Словом же она и возродится, а антихрист, как он добился своего без насилия, без насилия и падет» (там же, стр. 133).

Революция развертывалась не по тому расписанию, которое наметил Лютер. Ему нужно было во что бы то ни стало остановить ее движение, спасти власть князей и дворянства. Нужно было связать руки восставшим массам. И вот вытаскиваются старые, испытанные кандалы — евангельское учение о непротивлении злу.

Похоже было, однако, что их на этот раз не удастся надеть на восставших трудящихся. Восстание разлилось по Германии мощным потоком, сметавшим на своем пути все преграды. Земля заколебалась под ногами князей и баронов. Их замки и имения повстанцы штурмовали с таким же революционным напором, с каким громили монастыри — очаги католицизма. Не действовали лютеровские ссылки на Евангелие, призывы к непротивлению и смирению, к тому, чтобы народ покорно залез обратно в ярмо, из которого только что выбрался. Тогда Лютер снова забыл все евангельские проповеди. Он разразился кровожадно-зверскими призывами усмирять восставших, беспощадно их истреблять. «Их нужно бить, — писал Лютер о восставших крестьянах, — душить и колоть, тайно и открыто, так же, как убивают бешеную собаку. Поэтому, господа, спасайтесь, колите,

Деятели протестантской церкви, выступившей против католицизма под лозунгом «возврата к евангельскому учению», не менее жестоко, чем католические церковники, расправлялись с инакомыслящими. Один из основателей протестантизма, Жан Кальвин, в 1553 году сжег на костре выдающегося ученого М. Сервета за отрицание им троичности божества. *На рисунке — портрет Сервета.*

бейте, давите их, кто как может, и если кого постигнет при этом смерть, то благо ему, ибо более блаженной смерти быть не может» (там же, стр. 135).

Крестьянин должен беспрекословно повиноваться. Если он не повинуется, его надо без сожаления убивать. Удел крестьянина — работа и плеть. «Мудрец говорит: cibum, onus et virgam asino (пища, кладь и кнут — ослу); головы крестьян набиты овсяной мякиной; они не слушаются слова и неразумны; поэтому они должны слушаться кнута и ружья, и им будет хорошо. Мы должны молиться за них, чтобы они слушались; если они не будут слушаться, то не должно быть места для милосердия. Пусть скажут свое слово ружья, иначе будет в тысячу раз хуже» (там же, стр. 135).

Поведение Лютера — замечательно яркий показатель того, чем в действительности является Евангелие для эксплуататоров. Когда им нужно усмирять восставших трудящихся, они вспоминают о непротивлении, милосердии, любви к ближнему. Если это не помогает, Евангелие заменяется виселицей и в нем самом легко обнаруживаются такие места, которые объявляют

виселицу святой, истинно христианской, подлинно евангельской.

Под молебственное пение, под умильное чтение евангельских текстов идет бешеная расправа с трудящимися, которые посмели заявить о своих правах. После крестьянского восстания XVI века в Германии, как сообщает Энгельс, «епископ Вюрцбургский... прошел свою область, грабя и опустошая все огнем и мечом. Во время своего триумфального шествия он казнил 256 мятежников и по возвращении в Вюрцбург завершил свои подвиги, приказав отрубить головы 13 вюрцбургским горожанам» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 181). Таких палачей в рясах, как этот христианнейший епископ, было тогда много.

А, может быть, российские православные церковники следовали евангельским призывам к любви? Нет, и здесь такая же картина, как на Западе.

Изо дня в день, из года в год внушали трудящимся с церковных амвонов, что они должны смиренно, безропотно нести бремя нищеты и бесправия, потому что этого требует от них Иисус Христос. Крепостные крестьяне выносили зверскую эксплуатацию, своим трудом доставляя помещикам возможность вести праздную и роскошную жизнь. За малейшую провинность, даже без всякой провинности, просто из прихоти помещика, крепостного засекали розгами до полусмерти, а иногда и до смерти. Достаточно вспомнить Салтычиху, которую даже правительство крепостницы Екатерины II было вынуждено осудить, — так велики были злодеяния этой помещицы. У церковников не находилось ни слова в осуждение зверств помещиков, ни слова протеста против крепостного права. И все ужасы крепостного права не противоречили евангельским учениям о любви к ближнему, милосердии и т. п.

Сами церковники были крупнейшими помещиками. Незадолго до революции в их руках только в 50 губерниях России находилось около трех миллионов десятин земли. При крепостном праве на этих землях жили миллионы крепостных крестьян, составлявших полную собственность монастырей, церквей и отдельных церковников. И обращались божьи служители со своими рабами вполне «по-евангельски».

В 1763 году крепостной крестьянин Курского Знаменского монастыря Сидор Птицын подал жалобу на жестокое обраще-

Изуверская деятельность герцога Альбы, кардинала Гранвеллы и других католических карателей Нидерландской буржуазной революции была отражена в ряде карикатур того времени. *На рисунке — одна из них, где Альба, Гранвелла и другие изображены в виде людоедов.*

ние с ним монастырского приказчика монаха Иакова. Этот «милосердный брат» Иаков заподозрил Птицына и некоторых других крестьян в краже монастырского добра. Что он с ними сделал, рассказывается в жалобе: «Разложив нагих на снегу, раззявав на шесты, бил плетьми и, пробив до руды (т. е. до крови. — **И. К.**), посыпал снегом, а как тот снег растает, паки (т. е. опять. — **И. К.**) бил смертно и посыпал по тем ранам соль. От такого немилостивого и нестерпимого мучения я, Сидор Птицын, с три недели висел на веревке, что нельзя от боя ни сесть, ни лечь».

Крепостные крестьяне тверского архиерея обратились к царице Екатерине: «Смилуйся и не предай нас в велие (т. е. великое. — **И. К.**) мучение, в смотрении работ монахи — люди немилосердные, свирепые, из выслуги у его преосвященства бьют крестьян большими палками и секут плетьми ударов по триста и более».

Так любили своих крестьян почитатели кроткого Христа и его Евангелия! Не вынеся этой пламенной любви, крестьяне пытались бунтовать. Во главе их становились отважные вожди — Болотников, Разин, Пугачев. Горели помещичьи усадьбы и монастырские гнезда, катились с плеч головы эксплуататоров,

Протестантизм выступил против католицизма под лозунгами евангельских учений о греховности богатства, о смирении, милосердии и т. д. Несмотря на это, все направления протестантизма приняли участие в кровавой борьбе за власть и богатства. Как и католицизм, протестантизм проповедовал нетерпимость к инакомыслящим, вражду между людьми.

На рисунке — гравюра XVI века, носящая название «Победоносная евангелическая церковь». Вверху изображена Троица, — бог Саваоф на троне, Иисус Христос и дух святой в виде голубя. От Христа исходят всевозможные кары, поражающие служителей всех прочих религий, — католических священников, раввинов, мулл и т. д. По сторонам — победоносные и благоденствующие приверженцы евангелической церкви, радующиеся расправе бога с их врагами. В общем эта идеология не противоречит Евангелию, ибо в последнем наряду с призывами к любви и милосердию содержится и проповедь нетерпимости, враждебного отношения к противникам.

шатался самодержавный трон. Но трудно было угнетенным добиться победы: восстания каждый раз подавлялись и повстанцы подвергались жесточайшим преследованиям.

Кроме других причин, много значило здесь и то, что крестьяне не могли отделаться от «страха божия», которым отравляла их сознание религия. Духовенству и светским эксплуататорам приходило здесь на помощь Евангелие. Вытаскивались на свет призывы к прощению обид, к непротивлению, покорности и милосердию. Но вот восстание подавлялось. По приказу помещиков и помещичьего царя забитые муштрой солдаты расстреливали, жгли и вешали крестьян. То же — и с еще большим рвением — делали монахи; монастыри превращались в настоящие застенки. Погибали на плахе после нечеловеческих мучений вожди восстаний. Духовенство служило по этому случаю благодарственные молебны, возглашало громовые проклятия погибшим. И ни слова о милосердии, ни звука о любви и прощении обид!

КАПИТАЛИЗМ И ЕВАНГЕЛИЕ

Когда феодально-крепостнический строй рухнул и воцарилась капиталистическая форма эксплуатации, евангельское учение было очень быстро поставлено на службу капиталистам. Люби своего ближнего, хотя бы он и был твоим эксплуататором, — так продолжают проповедовать служители Христа. Нельзя бастовать, нельзя требовать повышения заработной платы и уж никак нельзя посягать на существующий строй, желать замены его другим, более справедливым. Этим, твердят проповедники Евангелия, ты обидишь своего брата-капиталиста, нарушишь заветы Евангелия и рассердишь бога, который вообще очень милосерд, но страшно наказывает тех, кто выступает против богачей.

В 1891 году римский папа Лев XIII выпустил нечто вроде манифеста, в котором затрагивал вопрос об отношениях между классами. Папа, конечно, рассуждал по-евангельски. Братство и любовь к ближнему, разъяснял он, это значит, что рабочие не должны питать вражды к капиталистам; это значит, что между рабочими и капиталистами должно быть «гармониче-

7 Зак. 314

Евангельское учение о любви к ближнему не мешало церковникам чинить самые жестокие расправы с людьми, если это было выгодно господствующим классам. Кровавые страницы вписал в историю испанский католический деятель герцог Альба искоренением протестантской «ереси», под знаменем которой выступала нидерландская буржуазная революция в 1567—1573 гг.

На рисунке — гравюра того времени, изображающая методы христолюбивой деятельности Альбы.

ское сотрудничество». О раздаче богатства нищим, о неугодности богачей богу в папском манифесте нет ни слова. И неудивительно: зачем папа будет брать из Евангелия то, что не нужно капиталистам?

И в наше время папа постоянно возвращается в своих посланиях и проповедях к вопросу о социальном неравенстве, всячески стараясь использовать Евангелие для оправдания капитализма. Например, в своей энциклике («круговое послание») «Святой год», опубликованной в 1950 году, папа Пий XII писал: «Бедные и униженные пусть руководствуются примером семьи из Назарета, которая также зарабатывала свой хлеб своим повседневным трудом». Семья из Назарета — это изображенная в евангелиях семья плотника Иосифа, в которой якобы родился и вырос младенец Иисус.

Так используются евангельские сказания для оправдания

капитализма. Но ведь у каждого может возникнуть вопрос: если надо следовать примеру евангельского Иосифа и, оставаясь всю жизнь бедняком, изо всех сил трудиться, то, значит, тех, кто этому предписанию не следует, нельзя считать настоящими христианами? Надо, значит, признать безбожниками или по меньшей мере еретиками всех богачей — капиталистов, банкиров, биржевиков, помещиков, которые живут совсем не по-евангельски? А заодно с ними и тех служителей религии, которые тоже в своей жизни руководствуются отнюдь не примером «семьи из Назарета»?!

Итальянец Алигьеро Тонди, долгие годы бывший католическим священником, монахом ордена иезуитов, и отошедший потом от религии, подробно описал в своей книге «Иезуиты» роскошную жизнь, которую ведут верхи духовенства. Он рассказал, в частности, о своем разговоре с одним из руководителей папского хозяйства, который сетовал, что церковные сановники тратят на себя слишком большие суммы: «Бог мой, — жаловался он, — эти достойнейшие отцы стоят больше, чем кинозвезды». И Тонди напоминает, что «в Риме есть семьи, которые живут в пещерах... или же в норах земляной насыпи... и в тысячах других ужасных мест». Он ставит вопрос о «бедняках, которые толпятся у дверей» церквей и монастырей в надежде на подаяние. «Как быть, — спрашивает он, — с теми, кто прозябает со своими семьями и детьми в грязи и погибает от чахотки? Как быть с теми, у кого нет ни чашки молока, ни куска хлеба?».

Когда Тонди обратился с этими вопросами к одному священнику, тот раздраженно ответил: «Что поделаешь, бедные всегда были и всегда будут. Этому учит и папа в своей энциклике американскому епископату в 1939 году. Прочтите ее. Ведь бедным обещано небесное блаженство, если они будут добродетельны и послушны духовенству. Кроме того, мы, священники, должны творить высшее благо: просвещать умы, плоть же — дело второстепенное. Лучше потратить полмиллиона на поездку для участия в какой-нибудь заграничной конференции, чем отдать эти полмиллиона нуждающимся». — «А как же евангелие?» — спрашивал я. — «Вы, — отвечал он мне, — любите крайности. Евангелие нужно правильно толковать. Мы, священники, должны прежде всего предоставить людям духовную пищу и только потом думать об их плоти. Не единым хле-

В начале XV века выступил против власти угнетателей чешского народа — католических церковников и германских императоров — знаменитый проповедник Ян Гус. Его заманили в ловушку и осудили на казнь путем сожжения на костре. *Гравюра изображает, как Гуса ведут на казнь.*

бом жив человек. Вы согласны?». И добрый отец удалился, довольный и улыбающийся».

То «правильное толкование» Евангелия, о котором говорил собеседник Тонди, позволяет церкви самым беззастенчивым образом защищать капитализм. И это относится не только к католицизму, но и ко всем другим видам христианства.

Существуют такие вероисповедания (церковь их называет сектантскими), которые считают своим отличием от других христианских вероисповеданий именно верность евангельскому учению. Последователи одного из них даже называются евангелистами, или евангельскими христианами. Но и их отноше-

ние к Евангелию полностью соответствует его «правильному толкованию», данному католической церковью.

Приведем пример, каких очень много. В городе Лос-Анжелосе (США) происходила забастовка работниц швейных фабрик. К ним поспешил евангелистский проповедник Смит. Ссылаясь на Евангелие, на страдания Иисуса, он уговаривал работниц прекратить забастовку. Доведенные до отчаяния тяжелыми условиями труда и низкой заработной платой, работницы начали изливать проповеднику свои обиды. Они хотели только того, чтобы хозяин немного уменьшил свои прибыли и предоставил им мало-мальски сносные условия существования. «Да нет же, зачем это вам? — отвечает евангелист. — Храните Иисуса в сердцах ваших, и тогда все эти вопросы сами собой уладятся». Уладятся, конечно, в соответствии с тем, чего хочет хозяин.

Евангельская проповедь так выгодна капиталистам, что они содержат специальных проповедников, которым платят огромные деньги за идеологическую обработку масс. Богатейший американский капиталист набожный баптист Рокфеллер долгие годы держал на службе проповедника Билли Сендей. Тот ездил по всем городам, где вспыхивали забастовки, и именем евангельского бога, который «так много претерпел», умолял рабочих терпеть, покоряться, не роптать. Рокфеллер, конечно, всячески одобрял деятельность своего наймита.

Евангелие действительно приносит прямую прибыль капиталистическим акулам. И идет эта прибыль за счет сотен миллионов голодных и полуголодных, за счет худосочных, рахитичных детишек рабочих, за счет тех самых «труждающихся и обремененных», которых Евангелие сулит «успокоить». Да, именно такого успокоения и добиваются кровососы всех времен и народов!

И вовсе не стесняют эксплуататоров евангельские призывы к любви, милосердию и непротивлению. Вот какие подвиги совершает, например, тот же христианнейший баптист Рокфеллер (приводим выдержку из книги Франка Гранта «Религия на службе американского капитала».):

«Углекопы (предприятий Рокфеллера) забастовали с целью добиться увеличения голодной заработной платы. В ответ на это их вместе с семьями тотчас же выбросили из лачуг, в которых они жили и которые являлись собственностью Рокфел-

лера. Тогда союз углекопов снабдил их временными палатками. В этих палатках в зимние холода они и ютились, когда на них напали наемные головорезы Рокфеллера. Один из забастовщиков, грек Луи Тикас, вышел с белым флагом для переговоров с отрядом милиции и наемной стражей Рокфеллера. Бандиты не посчитались с белым флагом Тикаса и ружейными прикладами размозжили ему голову. Совершив это убийство, они облили палатки забастовщиков керосином из колодцев Рокфеллера и подожгли их; в огне заживо сгорели жены забастовщиков вместе с грудными младенцами».

Это была ивестная, так называемая «Лэдлоуская бойня», которая произошла в 1914 году на территории принадлежащей Рокфеллерам «Компании Колорадского Топлива и Железа». Правительство США было вынуждено под давлением масс назначить комиссию для расследования лэдлоуских событий. В отчете комиссии было сказано так: «Пять забастовщиков, один мальчик и тринадцать женщин и маленьких детей были расстреляны милицией и наемной стражей угольной компании или задохлись в дыму и сгорели заживо после того, как милиция и наемная стража подожгли палатки, служившие им убежищем».

Не правда ли, читатель, это замечательный пример евангельского милосердия и любви к ближнему? Но, может быть, баптистская секта осудила это кровавое преступление своего члена Рокфеллера, может быть, исключила его из своего состава? Нет, конечно! Ничего, противоречащего евангелиям, не было найдено в массовом убийстве. Рокфеллеры продолжают оставаться наиболее уважаемыми членами секты баптистов. А как же иначе? Они немалые деньги тратят на проповедников. Да и по существу, действительно, поведение Рокфеллера не расходится с евангелиями. Разве Евангелие где-нибудь запрещает избивать рабов? Любовь — любовью, милосердие — милосердием, а с рабом надо обращаться как с рабом — это сквозит на каждой странице евангелий.

Прежде Евангелие оправдывало рабство и крепостничество, теперь оно оправдывает и защищает капитализм. Любая форма гнета и эксплуатации находит в евангельских легендах свое обоснование, а в нужных случаях — маскировку. Маркс писал в свое время: «Социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепо-

стничество и умеют также, в случае нужды, защитить, хотя и с жалкой гримасой, современное угнетение пролетариата. Социальные принципы христианства проповедуют необходимость существования классов — господствующего и порабощаемого, — и для последнего у них находится лишь благочестивое пожелание, чтобы первый ему благодетельствовал» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 173).

ЕВАНГЕЛИЕ И ВОЙНА

Евангелие никогда не мешало возникновению войн. Защитник религии может возразить на это, что Евангелие призывает к миру, но беда якобы в том, что этого призыва до сих пор не слушались. Действительно, есть в евангелиях тексты, направленные против войны. Сказано, например: «блаженны миротворцы».

Но есть и прямо противоположные заявления. Иисусу приписываются такие слова: «Не мир пришел я принести, но меч». К тому же ни в евангелиях, ни вообще в Новом завете нигде не говорится о том, что отменяются предписания и поучения Ветхого завета. А Ветхий завет полон пропаганды войны и кровавых расправ не только с врагами, но и просто с инакомыслящими, инаковерующими. И Евангелие также помогает разжиганию милитаристской пропаганды.

В наше время учение о любви и милосердии не мешает последователям Евангелия защищать империалистические войны и проповедовать массовое убийство во имя кармана империалистов. Вспомним мировую войну 1914—1918 годов. Из-за того, что разбойники международного империализма не поделили добычу и не сумели договориться, кто в какой части света будет грабить трудящихся, эти самые трудящиеся должны были беспощадно убивать друг друга. Многие миллионы убитых и изувеченных рабочих и крестьян — вот результат этой бойни.

Нужно ли удивляться тому, что служители евангельского бога были главными идеологами человекоистребления?! На них была империалистами возложена задача — натравливать трудящихся одной страны на трудящихся другой страны, сеять в массах взаимную ненависть и озлобление. Так

было нужно эксплуататорам; и смиренные уполномоченные милосердного бога старались.

В воинских частях всех воевавших стран служили на штатных должностях священники и проповедники. Одни старались убедить германского рабочего и крестьянина в том, что бог хочет крови французских и русских рабочих и крестьян. Другие же служители того же самого евангельского бога уговаривали французских и русских рабочих и крестьян беспощадно убивать германских трудящихся, так как этого очень хочется богу.

Несколько лет шла кровопролитная резня во имя корыстных империалистических интересов. Как и последователи всех остальных религий, приверженцы религии Евангелия совсем «забыли», что оно учит любви и милосердию, что еще Ветхий завет заповедал — «не убий». Они вспоминали об этом только тогда, когда опасность угрожала эксплуататорам.

В России наступил великий революционный 1917 год. В дни перед Октябрьским штурмом все силы буржуазного правительства Керенского, все усилия правящих классов были направлены к тому, чтобы сломить революционный напор масс, предотвратить пролетарскую революцию. Против рабочих были двинуты контрреволюционные отряды юнкеров и казаков. Служители всех религий в проповедях и писаниях призывали к беспощадной расправе с трудящимися. Когда при расстреле июльского выступления рабочих погибло несколько казаков, петроградское православное духовенство устроило им пышные похороны. На этих похоронах архиепископ Платон сказал речь, в которой всячески восхвалял «заслуги» убитых казаков. Заслуги же состояли в том, что казаки свирепо расправлялись с питерскими рабочими. Газета «Всероссийский церковно-общественный вестник» требовала: «Изменники и предатели родины (это говорилось о революционных трудящихся) должны понести наказание».

О евангельском братстве, милосердии, непротивлении — ни слова. В такие моменты эти лозунги не нужны буржуазии. Последователи евангельских учений требовали крови рабочих. И если бы в это время у них спросили, почему они не следуют Евангелию, они, вероятно, ответили бы, что действуют именно так, как учит Евангелие. Сказано ведь: «Раб же, знавший волю господина своего и не делавший по воле его, бит будет много».

Вот духовенство и призывало к выполнению этого евангельского завета — к жестокому кровавому подавлению революционных выступлений рабочих.

Революция, однако, победила, — сначала в Петрограде, потом во всей России. В Москве объединенные силы контрреволюции пытались сопротивляться. Они засели в Кремле, укрепились и в других местах города. Начались бои на улицах Москвы. Церковники были в этих боях на стороне контрреволюции. При их помощи белогвардейцы установили пулеметы на колокольнях храма Христа-спасителя, церкви Бориса и Глеба, кремлевских церквей, над Иверской часовней. Из этих пулеметов «милосердно» и «кротко» расстреливали рабочих. Однако и это не помогло. Вскоре стало ясно, что революция победила и засевшие в своих осиных гнездах белогвардейцы должны будут сдаться.

Этого служители религии не могли вынести. Тут они вспомнили, что Евангелие проповедует братство и любовь, милосердие и непротивление. И в таком именно духе они начали действовать. Заседавший с 5 августа 1917 года в Москве всероссийский церковный собор обратился к Военно-революционному комитету со слезным призывом не трогать белогвардейцев и «прекратить борьбу». «Во имя божие, — было написано в обращении, — Всероссийский священный собор призывает сражающихся между собой дорогих наших братьев и детей ныне воздержаться от дальнейшей ужасной кровопролитной брани». Тремя днями раньше, когда казалось, что белогвардейцы могут еще победить, церковники выжидающе молчали, и если бы среди них в тот момент нашелся такой, который вспомнил бы о евангельских заветах братства, остальные заставили бы его замолчать.

Началась гражданская война. Целых четыре года наша страна отбивалась от белогвардейских банд и иностранных интервентов. Рабочие и трудящиеся крестьяне бились за новую жизнь, отдавали этому все силы, жертвовали собой. Это была справедливая война — не за интересы империалистов, а за социализм, за счастье трудящихся. В такой войне последователи Евангелия старались не участвовать.

Сектантские руководители, основываясь на Евангелии, убеждали верующих не идти в Красную Армию. Баптисты, евангелисты, меннониты, адвентисты, молокане — все они

вспомнили вдруг, что Евангелие запрещает употреблять оружие, запрещает «противиться злу». Советская власть провозгласила свободу религиозных исповеданий и не стала принуждать к употреблению оружия тех, кто отказывался от этого по религиозным убеждениям. И сектанты сумели воспользоваться этим. Больше того, немалое число людей, никогда и не бывших сектантами, в срочном порядке обрело евангельскую благодать и дезертировало из Красной Армии под предлогом «религиозных убеждений».

Но, может быть, в белом лагере сектанты тоже отказывались воевать? Нет, там Евангелие не запрещало военную службу. У Врангеля, например, был целый полк из сектантов-меннонитов. Воевали против Советов и сектанты других толков. Таким гибким оказывалось Евангелие, что его можно было при любом толковании направить против трудящихся. Нельзя воевать, — значит, нельзя служить в Красной Армии. Можно воевать, — значит, надо идти в армию белых бандитов.

Всем известно, каким провалом кончились нападения на Страну Советов. Ничто не помогло белогвардейцам: ни деньги европейских империалистов, ни агитация церковных и сектантских руководителей. Советская страна устояла и взялась за хозяйственное строительство.

В самом начале этого периода ее постигло, однако, тяжелое бедствие. В Поволжье после небывалой засухи разразился голод. Больше 13 миллионов человек оказалось под угрозой голодной смерти. В некоторых местах голод доводил до людоедства. Страна, истощенная семью годами войны, не могла оказать голодающим помощи в достаточных размерах. Тогда трудящиеся вспомнили об огромных ценностях, бесполезно хранившихся в церквах, мечетях и других молитвенных домах. Эти ценности были собраны из трудовых пятаков, которые в течение веков жертвовались крестьянами и рабочими. Церковное золото и серебро принадлежат народу, и народ потребовал его обратно на дело спасения голодающих.

Что же на это ответили церковники? Вероятно, вспомнили евангельское: «просящему у тебя дай»? Или: «захочет взять у тебя рубашку — отдай ему и верхнюю одежду»? Совсем не так! Руководители христианских церквей решили по-дру-

гому: ценности должны покоиться в тиши храмов, а голодающие могут умирать...

Советское правительство издало декрет об изъятии церковных ценностей для покупки хлеба голодающим. Церковники организовали бешеное сопротивление проведению этого декрета в жизнь. Православный патриарх Тихон и католический епископ Цепляк разослали всему духовенству приказ не отдавать церковных ценностей и всячески настраивать массы против советской власти. Больше тысячи столкновений с представителями власти было вызвано этими директивами главных тогда в России служителей евангельского бога. Заповеди раздачи имущества бедным, заветы непротивления, милосердия — все забыло духовенство, как только дело коснулось имущества церкви.

Когда царю Петру понадобились в свое время церковные ценности для войны со Швецией, они были отданы. Во время войны 1914 года духовенство предлагало царю Николаю произвести изъятие ценностей «на нужды войны». Царям, конечно, можно, и это не кощунство. А голодающим? Нет, на это последователи Евангелия не согласны. По существу же они попытались тогда довести конфликты в связи с изъятием ценностей на нужды голодающих до того, чтобы это превратилось в один из актов гражданской войны.

Долго бушевала во всем мире вторая мировая война. Она была подготовлена и начата злейшими врагами народов, врагами мира и демократии. Немедленно после своего прихода к власти, в Италии — в 1922 году, в Германии — в 1933 году, фашисты принялись готовить военные авантюры. Всему миру было ясно, что германский фашизм в союзе с итальянским готовит грандиозный мировой пожар, в котором погибнут десятки миллионов людей. Но служители Евангелия не разоблачали поджигателей войны, не обращались к ним с евангельскими призывами к миру и благоволению. Наоборот, католическая церковь в 1929 году заключила соглашение с фашистским правительством Муссолини, а в 1933 году — с правительством Гитлера.

Вскоре фашистская Италия напала на маленькую отсталую Абиссинию. Она обрушилась на слабую страну всей мощью своей военной техники. Вооруженная до зубов, ощетинившаяся тысячами пулеметов, мощной артиллерией и быстроход-

ными танками, при помощи сотен самолетов, сеявших смерть с воздуха, при помощи иприта, отравлявшего землю, армия фашистской Италии поработила абиссинский народ.

Это было ничем не прикрытым хищническим нападением. Государство, где господствующей религией официально является религия Евангелия, огнем и мечом сломило сопротивление маленького народа и захватило его страну со всем достоянием и природными богатствами. Исповедание евангельских учений о любви, о братстве всех людей, о том, чтоб отдавать ближнему последнюю рубашку, нисколько не помешало империалистическому разбою. Наоборот, служители евангельской религии всячески содействовали успеху фашистских бандитов. Римский папа предоставил большой денежный заем итальянскому правительству на нужды войны. Католическое духовенство занялось идеологической обработкой солдат и всех трудящихся, внушая им, что война против Абиссинии — это «священная война», угодная богу, соответствующая евангельскому учению. Вот что писала римская фашистская газета «Трибуна» о проповеди авалинского епископа: «Его преосвященство епископ произнес, держа в руках святое Евангелие, громкую, страстную речь, призывая готовых к отплытию солдат воевать и побеждать во имя бога, отечества, короля и дуче» (т. е. Муссолини. — **И. К.**). «Держа в руках святое Евангелие», епископ уговаривал солдат побеждать почти безоружных абиссинцев, расправляться с этим маленьким беззащитным народом.

Католическое духовенство изображало порабощение Абиссинии как дело, предпринятое для распространения евангельского учения. «На абиссинской земле, — сказал в своей проповеди архиепископ города Милана, — флаг Италии несет с триумфом крест Христа, уравнивает путь для миссионеров Евангелия». Не война грабительская, не насилие сильного над слабым, а распространение Евангелия!..

Так и на этот раз прикрывался Евангелием самый вопиющий империалистический разбой.

Мы остановились так подробно на захвате Абиссинии фашистской Италией потому, что вопрос об отношениях между империалистическими государствами и порабощенными ими колониями и сейчас имеет громадное значение.

Уже многие народы и страны, бывшие ранее колониаль-

ными, освободились от империалистического гнета. Индия, Индонезия, Вьетнам, Бирма, Египет, Судан, Гана и другие страны стали самостоятельными и строят свою жизнь по собственной воле. Империалистические государства оказывают делу освобождения колоний бешеное сопротивление и пытаются удержать в своих руках все, что еще только можно. Борьба колониальных народов за свое освобождение продолжается, и окончится она только с полным крахом колониальной системы. В этой борьбе симпатии служителей религии Евангелия, как правило, на стороне империалистов. Больше того, именно целями евангельской проповеди часто оправдываются колониальное угнетение и войны, ведущиеся в защиту режима колониального угнетения.

Даже тогда, когда гитлеровская Германия выступала с требованием колоний, некоторые церковники «обосновывали» это нуждами евангельской проповеди. Вот, например, что писал в книге «Обращение христианской церкви к борьбе немцев за свободу» австрийский протестантский церковник Фишер: «Христос хочет быть спасителем всего мира. Задача молодежи — идти по всему миру, учить все народы и нести Евангелие во все концы земли (Матф., гл. XXVIII, стр. 18). Евангелие имеет вселенский характер, это значит, оно охватывает все многообразие народов мира, девизом которых, поскольку они начинают веровать в него, становится: «едино тело и един дух». Оказывается, фашистская Германия требовала колоний не для того, чтобы эксплуатировать их население, а для того, чтобы проповедовать ему Евангелие...

Впрочем, этот прием постоянно использовался христианскими идеологами империализма. Они всегда утверждали, что завоевание колоний открывает путь для проповеди Евангелия «дикарям». Оказывается, религия милосердия и любви к ближнему должна распространяться огнем и мечом. Трудно придумать что-нибудь более противоречивое и нелогичное, но факт остается фактом: именно так рассуждают служители кротчайшего и милосерднейшего из богов.

Германский фашизм вместе с итальянским пускался в самые рискованные и кровопролитные авантюры в интересах империалистической буржуазии своих стран. В Испании они разожгли мятеж фашистской военщины против демократического правительства. Шла упорная, жестокая борьба. Мятеж-

ники не останавливались перед самыми свирепыми и гнусными злодеяниями против революционного народа. После занятия какого-нибудь города его население отдавалось на поругание и ограбление мятежным бандам, а заподозренные в сочувствии республиканцам тысячами расстреливались из пулеметов. Десятки раз самолеты мятежников бомбардировали Мадрид и другие города, без всякой пощады убивая мирное население — стариков, женщин, детей. Католическая церковь была полностью на стороне мятежников.

Сами главари мятежников непрестанно показывали свою набожность: служили молебны, посылали приветственные телеграммы римскому папе. Франко и его подручные не переставали твердить о своей глубокой религиозности, о своей преданности Христу и его Евангелию. Фашистский генерал Кабанельяс заявил, что Испании придется двенадцать лет в посте и молитве искупать грехи республиканцев, боровшихся против мятежников. И церковь считала, что все злодеяния, творимые испанскими фашистами при поддержке итальянских и немецких фашистов, ничуть не противоречат евангельской любви.

Римский папа посылал Франко приветственные телеграммы и во время мятежа и после него, а в 1953 году наградил его главным ватиканским орденом. Подавляющее большинство испанских священников и монахов принимали активное участие в мятеже на стороне фашистов. Они не только вели агитацию за истребление республиканцев, но и сами подавали пример. Печать пестрила такими сообщениями: «Артиллерийская батарея мятежников обслуживалась исключительно молодыми монахами»; «В городе Уэльва группа священников вместе с мятежниками устраивала засады в домах и по дорогам, расстреливая проходивших мимо бойцов рабочей милиции». Впрочем, и в прошлые времена служители милосердного евангельского бога участвовали в кровавых боях на стороне угнетателей, палачей народа.

Во второй мировой войне церковники занимали различные позиции в зависимости от интересов того государства, в котором находилась данная церковь. Многие церковные организации выступали поэтому за поражение фашистов, за победу сил демократии. Русская православная церковь заняла патриотическую позицию и призывала верующих сражаться против фашистских поработителей. Многие представители

христианского духовенства различных исповеданий после войны принимают участие в борьбе за мир, в движении сторонников мира. Но потому ли это, что они являются последователями Евангелия?

Нет, мы уже видели, что евангельское учение никогда и никому не мешало быть в числе поджигателей войны, душителей свободы. А в самом Евангелии можно найти подходящие лозунги для оправдания и войны, и мира, и расправ с людьми и милосердия к ним. В зависимости от своих интересов те или иные общественные или церковные группировки выбирали в евангелиях то, что им в данный момент подходило. В подавляющем же большинстве случаев евангелия служили для маскировки и прикрытия насилий над людьми, кровопролитных, истребительных войн.

После второй мировой войны в международной обстановке произошли серьезнейшие изменения. В мировой капиталистической системе пробиты новые бреши. В ряде стран Европы и Азии победил народно-демократический строй, и рабочий класс во главе всех демократических сил строит социализм.

Империалистические государства не могут примириться с таким положением, когда с каждым днем лагерь социализма все укрепляется, тем более, что сам империализм непрестанно терпит урон за уроном: колониальные народы неустанно ведут борьбу за освобождение и один за другим завоевывают национальную самостоятельность, право располагать своей судьбой, возможность строить свою жизнь по собственному желанию. Понятно, что это вызывает ярость и сопротивление империалистов, лишающихся господствующего положения в мире и прибылей. Их политические деятели и идеологи ведут поэтому ожесточенную травлю демократических стран — холодную войну. Используя все средства идеологической обработки масс—газеты, журналы, книги, радио, кино, телевидение, школу, университеты, церковь, всевозможные политические организации,— они призывают к «горячей» войне против социалистических стран и против народов, освобождающихся от колониального гнета. В некоторых случаях им удавалось разжечь настоящую войну.

Несколько лет в Корее длилась опустошительная кровопролитная бойня, начатая южнокорейскими агентами американских империалистов. В конце 1956 года империалисты Англии, Франции и Израиля совершили кровавое нападение на

Египет, причем подвергли бомбардировке с воздуха мирные населенные пункты этого государства, «провинившегося» только тем, что его народ решил больше не служить орудием обогащения иностранных империалистов. В это же время остатки венгерских фашистов при поддержке империалистов Америки и других стран затеяли мятеж в Венгрии, пытаясь свергнуть народно-демократический строй и восстановить старые порядки, вернуть земли помещикам, а промышленные предприятия — капиталистам. Только благодаря братской помощи Советской Армии венгерский народ не попал опять в кабалу к своим вековечным угнетателям. И немалой крови стоило ему отразить нападение фашистских мятежников.

Какую же позицию занимают в этой обстановке приверженцы религии Евангелия? Казалось бы, они должны были прежде всего обратиться к тем, кто топит в крови стремление народов к свободе, кто готовит самую страшную и истребительную атомную войну, с призывом прекратить эту человеконенавистническую деятельность. Они должны были неустанно обличать тех, чье поведение никак не вяжется с евангельскими требованиями любви, милосердия и непротивления.

Отдельные такие голоса мы слышим и в религиозном лагере. Глубоким уважением всех прогрессивных людей мира пользуется, например, настоятель Кентерберийского собора (в Англии) Хьюлетт Джонсон, неустанный борец за дело мира. Есть и другие религиозные деятели и просто верующие люди, которые занимают место в первых рядах борцов за мир. Надо, однако, сказать, что очень много служителей религии, в том числе и религии Евангелия, находятся в лагере сторонников насилия и прямо или косвенно способствуют обострению международной обстановки, ускорению гонки вооружений, усилению опасности войны.

Не будем приводить много примеров этого рода. Ограничимся указанием на венгерского кардинала Миндсенти, пользующегося, кстати сказать, особенной благосклонностью римского папы. После установления в Венгрии народно-демократического строя Миндсенти не переставал вести против него борьбу. Венгерское правительство было вынуждено принять свои меры, чтобы обезвредить воинствующего церковника, упорно интриговавшего против народной власти. В момент контрреволюционного восстания в Венгрии кардинал Минд-

сенти находился под домашним арестом. Фашисты освободили его и привезли в Будапешт, где в полном разгаре был фашистский террор. Банды озверелых мятежников ловили людей на улицах, в домах, в подвалах и совершали над ними жестокие расправы. Сотни людей были буквально растерзаны мятежниками или повешены вниз головой на уличных фонарях Будапешта. Призвал ли служитель евангельской религии кардинал Миндсенти к прекращению кровопролития и насилий, напомнил ли он о евангельской проповеди любви и милосердия? Нет, кардинал поспешил объявить во всеуслышание, что он принимает из рук мятежников власть в стране и что он считает правильным и угодным богу все, что происходит. Служитель Евангелия одобрил зверства мятежников и присоединился к этим изуверам, потерявшим человеческий облик.

Могут возразить: причем здесь Евангелие? В евангелиях проповедуется одно, но Миндсенти — плохой священник и потому делает другое. А если исполнять евангельские заповеди, то все будет хорошо, все люди станут братьями, войны кончатся, наступит «на земле — мир, в человеках — благоволение»...

Это рассуждение совершенно беспочвенно. Надо видеть факты, а не гадать, что было бы, если бы все люди вдруг стали жить согласно тому или другому учению. Факты же говорят, что на протяжении тысячи восьмисот лет существование евангелий не только не устраняло войн, а, наоборот, само служило во многих случаях их причиной и обоснованием. Факты говор[illegible]что, будучи приверженцем Евангелия, можно не только не [illegible]упать против войны и насилия, но и быть инициатором [illegible]х жестоких форм человекоистребления.

— ■ —

8 Зак. 314

КАК СЛЕДУЕТ ОТНОСИТЬСЯ к СВЯЩЕННЫМ КНИГАМ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Верующий человек смотрит на «священные» книги со страхом и благоговением. Он думает, что там заключена какая-то высшая истина, что каждая буква священных книг дает точную и безошибочную мудрость. Он ищет в них ответа на свои вопросы и слепо верит этому ответу, ибо считает, что отвечает ему сам бог.

Мы видели, что в действительности представляют собой евангелия, сколько в них противоречий, исторических и всяких других ошибок, сколько по меньшей мере странных утверждений и призывов, несовместимых с разумом и человеческим достоинством. Как и всякие другие «священные» книги, евангелия — дело рук человеческих. Они появились в определенной исторической обстановке, которая формировала идеологию людей того времени, и эта идеология прямо выразилась в евангелиях. Есть ли какой-нибудь смысл в том, чтобы считать евангелия или другие религиозные книги руководством к жизни для нашего времени, для наших советских людей? Конечно, нет.

Советский человек, как и всякий сознательный трудящийся, стремится сообразовывать свое поведение не с фантастическими верованиями людей, живших тысячелетия тому назад, а

с уроками общественной практики, с положениями и выводами марксистско-ленинской науки об обществе, наконец с собственным разумом и здравым смыслом.

Священные книги возникли в разное время среди разных народов и классов, живших в различных условиях, и потому отличаются друг от друга. Но в главном между ними нет никакой разницы. Все это — религиозно-назидательные и богослужебные книги; в основе их не наука, а слепая вера, не разум и здравый смысл, а фантастические призраки религии. Как же они могут служить руководством для передового человека нашего времени?

С позиций науки, открытыми и трезвыми глазами нужно смотреть и на жизнь и на религию. Что же касается так называемых священных книг, то в свете науки и разума они теряют всю свою мнимую святость и непогрешимость. Будучи подвергнуты научному анализу, они предстают перед нами в своем настоящем виде — во всей своей исторической ограниченности, во всей противоречивости и несостоятельности. Это полностью относится и к евангелиям.

Евангелия, как и всякие другие священные книги, ориентируют людей на несуществующую будущую жизнь и сбивают с пути строительства счастливой жизни в реальной действительности. Только наука, только теория марксизма-ленинизма освещает людям путь к лучшей жизни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

И. А. Крывелев

Евангельские сказания и их смысл

Редактор А. И. Карпова. Оформление художника Н. К. Скаловой.
Технический редактор Н. Л. Юсфина.

Сдано в набор 25/IV-57 г. Подписано к печати 25/IX-57 г. Форм. бум. 70 × 92/16.
Физ. печ. л. 7,25 + 1 вкл. Усл. печ. л. 8,77. Уч.-изд. л. 6,96. Тираж 75 000. А07778.
Изд. инд. НП—68. Цена 2 р. 15 к.

Издательство «Советская Россия», Москва, Ветошный пер., д. 13/15.
Зак. 314. Типография изд-ва «Советская Россия», Москва, ул. Маркса и Энгельса, 14

Цена 2р. 15 к.

Издательство
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
Москва 1957